

АНДРЕЙ АНИСИМОВ

ПРИЗРАК С ВОРОНЬЕГО ХОЛМА

ИСПОВЕДЬ ШЛЮХИ

ДЕТЕКТИВ

Призрак с Вороньего холма

Андрей Анисимов

**Призрак с Вороньего
холма. Исповедь шлюхи**

«Автор»

2006

Анисимов А. Ю.

Призрак с Вороньего холма. Исповедь шлюхи /
А. Ю. Анисимов — «Автор», 2006 — (Призрак с Вороньего холма)

Делать бизнес честно. Не воровать. Не платить ни бандитской, ни ментовской "крыше". Чтобы решиться на такое в маленьком курортном городке, давным-давно поделенном на "сферы влияния" мафиозными группировками и их покровителями из милиции и местной политической элиты, надо быть сумасшедшим – или просто не иметь инстинкта самосохранения. Но бывший спецназовец Олег, выживший в аду Афганистана, – не из тех, кого легко запугать. Он умеет постоять за себя. Умеет действовать. И не боится смерти – ни своей, ни чужой!

Андрей Анисимов

Призрак с Вороньего холма

Роман второй. Исповедь шлюхи

Вместо пролога

Он вышел в парк, набросив на плечи стеганную домашнюю куртку. В Крыму дни стояли теплые, но по утрам чувствовалось дыхание осени. Безопасность правительственного комплекса обеспечивали бойцы спецназа. Увидев Его, они вытянулись и отдали честь. Физиономии их при этом ничего не выражали. Он уже не знал, охраняют его или стерегут. Оглянулся на звук быстрых шагов. Референт бежал трусцой по дорожке.

– Не спится, товарищ президент? – Бегун остановился рядом и чему-то улыбался.

– Чего, Лева, смеешься. Смешного, по-моему, тут мало, – заметил Он и нахмурился.

Референт кивнул в сторону моря:

– Посмотрите туда.

Он посмотрел и увидел несколько военных судов, застывших на рейде:

– И что?

– Даже с моря отгораживают. Представляете, как они вас уважают...

– Все шутишь. Давай присядем на скамейку. – Сидеть после пробежки разгоряченному спортсмену вовсе не хотелось, но отказать Ему он не мог.

– Супруга спит? – Поинтересовался референт.

– Не думаю. Она уже третью ночь не спит. Лежит с закрытыми глазами, чтобы меня не волновать. – Он помолчал, поежился, просунул руки в рукава куртки: – Интересно, чем все это кончится... К прежнему уже возврата нет. Как они не понимают? Лозунги выбросили такие, что народ за ними не пойдет. А без консенсуса с народом нельзя...

– Что будет? Хотите, я вам скажу?

– Да, интересно послушать...

– Туземцы, поняв, что Империя зашаталась, быстро отскочат. Их царьки давно мечтают стать царями и такую возможность не упустят. С Прибалтикой давно все ясно. Там помнят Сибирь и уверены – с Западом надежнее. А Россия, как всегда, в дерьме...

– Туземцы? Циник ты, Лева.

– Туземцы слово не уничижительное. Оно обозначает население «той земли». Кстати, историки царской России, описывая войну на Кавказе, называли кавказскую аристократию туземным дворянством. Заручившись их поддержкой, Александр Николаевич и выиграл кавказскую компанию.

– Кто такой Александр Николаевич?

– Государь всея Руси, Александр второй, прозванный в народе царем освободителем. Между прочем, он не только Кавказ присоединил к Империи, но еще Казахстан, и многое другое...

– Наверное, ты прав. Всегда знал, гуманитарного образования мне не хватает. Но картинку ты, Лева, рисуешь невеселую.

– Это не я рисую. Западные обозреватели помогли. Они так видят наше будущее.

– А про меня что пишут?

– Газет нам не приносят.

– Но ты же знаешь мнение обозревателей.

– Я слушаю приемник.

– Тогда что обо мне говорят?

– Вам симпатизируют. Но часть аналитиков считает, что вы и есть теневой организатор путча.

– Я? Какой мне смысл?

– Знаете, если честно... – Референт замолчал и отвел глаза.

– Договаривай, Лева, раз начал.

– Я тоже не совсем уверен, что для вас это полная неожиданность.

– Интересно. По-твоему, я затеял и уехал отдыхать? Но ты же при мне почти круглые сутки.

– Почти... – Улыбнулся референт.

– Тогда объясни мои мотивы.

– Вы так раскачали лодку, что стало ясно – она начинает тонуть. У вас имидж либерального демократа. Принимать жесткие меры значит испортить лицо. А так вы жертва...

Он встал и, заложив руки за спину, зашагал по аллее. Референт поднялся и пошел сзади. Метров через десять Он обернулся:

– Чтоб ты знал, «перестройку» задумал еще Юрий Владимирович. Мы же с ним земляки. Он приезжал ко мне отдыхать, когда я руководил Краем, и мы часами говорили о тех переменных, которые необходимы стране. Я действовал исходя и из его предложений.

– Юрий Владимирович умел держать в руках кнут. У нас без кнута нельзя. Хочешь добра, пори народ розгами, хочешь зла – тоже. А вы не умеете. Вы приличный человек, во общем, не злой, а приличному человеку на Олимпе делать нечего...

– Спасибо за комплимент, Лева.

– Не стоит. Я с вами откровенен, а вы со мной нет.

– Ты о чем?

– О вашем участии в грандиозном шоу под названием ГКЧП.

– Зачем тебе?

– По самым элементарным шкурным соображениям.

– Говори ясно. Знаешь, я не люблю загадок.

– Куда яснее... Если вы теневой автор путча, в случае их победы, – и референт указал на военные корабли на рейде: – я останусь на воле, продолжу работу и не буду волноваться за семью. Если нет, сами понимаете...

– Знаешь, Лева, есть мудрая русская поговорка – заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибет. Сумгаит помнишь?

– Помню, и Тбилиси тоже. Но вы никогда прямо не отвечаете на вопросы...

– Есть еще одна поговорка – будешь много знать, скоро состаришься. А ты и так знаешь слишком много.

– Это угроза?

– Ты же сам сказал, что я человек приличный и, во общем, не злой. – Он повернулся и быстро пошел к парадному. Референт постоял немного и побежал дальше. Он каждое утро пробегал трусцой пять километров. Сегодня ему осталось пробежать еще два. Что бы ни произошло в Кремле, боец умственного фронта свято верил – при сидячей работе утренние пробежки его организму необходимы.

* * *

– Поигрались в демократию, сволочи. – Максютя злорадно потер руки, повернулся к Курдюку: – Готовь камеры, полковник.

– Бураков приготовит, – гаденько усмехнулся начальник милиции: – Дело политическое, пускай КГБ им и занимается.

– Да, работы у Николая Евгеньевича теперь хватит. Всех пидеров пересажать. – Согласился Максютя.

Стеколкин ехидно хохотнул:

– Зачем сажать? Можно прямо к стенке. В камерах их придется кормить, выгуливать, а тут сразу двух зайцев – кормить не надо и остальным урок.

– Кровожадный ты, Слава. Смотри, чтобы самого не шлепнули под горячую руку.

Стеколкин сделал вид, что слов Паперного не услышал:

– Товарищи, я советую прямо сейчас дать телеграмму в Москву. – И, торопясь, чтобы не перебили, затараторил: – Сообщить, что мы приветствуем в лице ГКЧП новое руководство страны, во всем согласны с товарищами, полностью разделяем, поддерживаем их политическую платформу и клеймим позором бывшего мэра Постникова как представителя буржуазного отребья.

– Пока не бывшего? – Возразил Паперный: – Вот сейчас мы его единогласно отстраним от должности, а Вячеслава Анатольевича Стеколкина назначим временно исполняющим и тогда доложим в Москву. А так чего зря воздух сотрясать...

– Почему меня? Ельцина еще не арестовали. Я не согласен.

– Шакал ты, блядь, Славка. – Поморщился Максютя: – Только что тут соловьем заливался, а теперь в кусты.

– Да, я рисковать не хочу. Сам становись мэром, если такой смелый.

– О чем вы, мужики?! Какой на хер мэр? Городом будет руководить комитет партии во главе с товарищем Телкиным. А вместо Постникова он сам назначит нового начальника горисполкома, – урезонил спорящих полковник Курдюк: – Подзабыли, как Советская власть работает...

Темной августовской ночью одна тысяча девятьсот девяносто первого года в Глухове собаки не лаяли. Затаились и люди, но не спали, а сидели у телевизоров. Никогда не проявлявшие особого интереса к классической музыке, в том числе и к Чайковскому, жители провинциального города, затаив дыхание, смотрели балетную постановку Большого театра «Лебединое озеро». Действие на сцене их не занимало, они ждали новых сообщений о ходе переворота. Иногда танцы маленьких лебедей прерывались, и путчисты обращались к населению.

Смотрели балет и бандиты кашеевского кооператива. Они сидели в кафе Какманду и сегодня не напивались. Смена режима могла коснуться и их. Торчали у телевизора даже те, кому полагалось нести охрану. Поэтому никто не заметил, как дверь кашеевского коттеджа открылась, и из нее выглянула Мака. Она осмотрелась, вернулась назад, через некоторое время выглянула снова и вытянула из дверей тело мужчины. Хрупкая женщина обладала недюжинной силой. Она волокла здорового мужика в дальний конец территории к гаражам автосервиса, ни разу не остановившись. Руки и ноги Маки дрожали от напряжения, но она не сдавалась. Труднее всего пришлось у забора. Она пропихнула тело под нижнюю железную планку, но голова в щель не проходила. Мака перебралась через забор и дернула труп за ноги. Голова продолжала оставаться на территории. Тело давно окаменело, и справиться с ним девушке оказалось не под силу. Тогда она шмыгнула в кусты, где давеча припрятала лопату, подкопала глину под головой трупа и, наконец, вытянула его к оврагу. Яму вырыла заранее. Теперь оставалось только сбросить в нее тело и засыпать землей... Но сил уже не осталось. Мака присела рядом и, восстанавливая дыхание, спокойно рассматривала мертвого Кашеева. Грозный бандит превратился в жалкую мумию серовато-голубого оттенка. «Ролликс» с его запястья она не сняла, хотя часы и были дорогие. Оставила себе на память только его перстень. Этим перстнем Геннадий очень гордился. Перстень был массивный, отлитый из червонного золота высокой пробы, и его украшал черный бриллиант. Снять с окаменевшего пальца перстень Мака не смогла. Она отрубила бывшему любовнику палец. Кашеев так и лежал на краю ямы с обрубком на левой руке. Отды-

шавшись, Мака сбросила труп. Она не только зарыла мертвеца, но и заложила дерном место захоронения. Теперь, кроме нее, никто не знал, где лежит ее бывший любовник.

Не давая себе передышки, прибежала в коттедж, быстро приняла душ, натянула джинсы, набросила на плечи кожаную куртку и отправилась в Какманду. Подойдя к столику, где сидели самовольно покинувшие пост охранники, прошипела:

– Придурки, почему никого нет на территории!? Все расскажу Кашееву.

Угроза подействовала. Проследив, как шестеро парней покинули кафе, она потребовала у барменшес Светы стакан коньяка, залпом выпила и приказала Пятаку готовить машину.

– Куда ехать? – спросил тот.

– В Москву.

– Там же заваруха...

– Вот и защитим демократию. Тебе что, козел, на нары очень хочется?

Пятак на нары не хотел, но и на демократию ему было глубоко наплевать. Однако отказать хозяйке не решился.

Они подползали медленно и зловеще, как сама смерть. Хотелось бежать без оглядки, забиться в какую-нибудь щель и лежать в ней, закрыв глаза, пока все не закончится.

– Ну и пусть, – прошептал Тихон. Он был бледен, губы плотно сжаты, но стоял как все. Мэр города Глухова готовился умереть за Свободу и Демократию. За несколько секунд Постников мысленно прокрутил свою жизнь – детдом, институт, работа в промышленном отделе райкома партии и, наконец, кресло городского головы, где он так мало успел сделать. Неужели конец?

Они стояли, взявшись за руки. Их было много, десятки тысяч российских граждан, а на них шли танки. Скрежет гусениц по асфальту, гарь из выхлопных труб, дрожь земли от непомерной тяжести бронированных машин убийства. Их и создавали, чтобы убивать. Каждый танк может расстрелять, раздавить, размазать по асфальту тысячи жизней. Чего им бояться? Безоружных парней, девушек, женщин, стариков?

За несколько метров до толпы танки остановились, и остановилось время. Десятки тысяч сердец отсчитывали удары, которые вполне могли стать последними. Сколько они так стояли, теперь уже не скажет никто. Тогда казалось – вечность. Потом произошло чудо. Из плотной людской цепи вышла девушка. Она медленно, но решительно шагала к танку. За несколько метров от бронированного монстра остановилась, скинула блузку, обнажив маленькие торчащие грудки, и помахала блузкой перед амбразурой танка.

Голенев смотрел на девушку вместе со всеми. Он уже хотел броситься вперед, чтобы оттащить безрассудную красотку, но узнал Маку. Перед танком стояла подруга убитого им бандита Кашеева.

Толпа, затаив дыхание, следила за отважной девой. Ее тонкая полуобнаженная фигурка рядом с огромной стальной машиной выглядела беззащитной тростинкой. Но она победила. На башне танка открылся люк, и появилась голова в шлеме. Затем танкист стянул шлем и помахал им девушке. Мака стрелой взлетела на броню и чмокнула танкиста в губы. Им захлопали. Танкист обнял Маку за плечи и надел ей на голову свой шлем.

– Знаешь, кто эта девица? – Спросил Голенев у Постникова. Тот не знал: – Это приятельница Кашеева, глуховского бандита.

– Она же, так сказать, герой. Я потрясен ее поступ... – Договорить Постникову не дали. Кто-то крикнул «ура». Через секунду «ура» кричали тысячи глоток, затем бросились к танку, подхватили Маку с танкистом, и начали качать на руках. Остальные танки попятись, развернулись, прикрыв своей броней безоружную толпу, и заглушили двигатели. По живой цепи начали скандировать: «Ельцин! Ельцин!»

Голенев и Постников заорали вместе со всеми:

– Ельцин!

И он вышел.

Ульянов-Ленин поднимал большевиков, забравшись на броневи́к. Борис Ельцин низвергал большевиков с брони танка. С того самого, который остановила Мака.

В России появился свой БЕЛЫЙ ДОМ и, по словам Бориса Николаевича, «столько свободы, сколько каждый сможет себе взять». Его слушали, затаив дыхание. Голеневу нравился новый лидер. Ельцин был крепок, мужественен, и ему хотелось верить.

– Ничего козлик. – Услышал он за спиной женский голос. Обернулся и увидел Маку в шлеме танкиста.

– Ты?

– Я.

– Не испугалась? Они могли стрелять...

– Я же подруга бандита. Он при мне часто стрелял. Я привыкла.

Тихон с воодушевлением пожал девушке руку:

– Я, так сказать, восхищен вашим поступком. Такая гражданка, как вы, честь для нашего города.

Мака рассмеялась:

– Не стоит преувеличивать.

– Я не преувеличиваю. Грудью остановить танк...

– А вам понравилась моя грудь?

Постников смутился и сам покраснел как девица.

Мака взяла Олега за руку и потянула назад:

– Можно тебя на пару слов?

– На пару слов можно...

Дальше двух шагов им отойти не удалось. Толпа создавала живую стену. Мака продолжала сжимать руку Олега и, не мигая, смотрела ему в глаза:

– Твой дружок – скромный мальчик. Краснеть не научился. А тебя ничем не проймешь...

Голенев нагнулся к ушку девушки:

– Может, тебе и раньше приходилось останавливать танки сиськами?

– Мне приходилось снимать мужиков. Какая разница, во что одет кобель? В джинсу или в броню?

– Интересный подход к боевой технике.

– Рада тебя заинтересовать.

– Сейчас не время. Что ты хотела мне сказать?

– Вернешься домой, приходи в нашу церковь. Помнишь, где мы с тобой уже один раз виделись.

– К чему это?

– Во-первых, ты обещал. Во-вторых, помолимся о душе Кашеева, в-третьих, мне нужна помощь...

– Я тебе уже помог, освободил от дружка...

– А я?

– Что ты?

– Как мне жить дальше? Я не хочу больше ублажать уголовников...

– Собери свои вещички и на все четыре стороны. Страна у нас большая.

– Все бросить? Зачем? Я хочу, как ты, помогать людям. Тот же детский дом на деньги фирмы Кашеева можно кормить, поить, да еще и ремонтировать. Я хочу приносить пользу.

Голенев никак не ожидал от Маки подобных мыслей. Она его застала врасплох:

– Я подумаю.

– Не слишком долго. Я одна могу надеть глупостей. Кстати, я с машиной. Могу подбросить.

– Черный «мерседес» Кашеева?

– Да.

– Спасибо. Однажды я на нем уже прокатился... Лучше поездом.

– Как знаешь. Поезд приходит в половине третьего. В три жду...

– Не поздноато ли для свидания?

Ответить ей не дали. Люди тянулись пожать Маке руку, высказать ей свое восхищение, дотронуться до ее плеча. Олег вернулся к Тихону и больше в столице Маку не видел.

Всю ночь в Москве гуляли, пели и пили. Толпа хлынула на Лубянку, тогда еще площадь Дзержинского, с яростным желанием покончить с ненавистным КГБ. Но обошлось. Покончили лишь с памятником железному Феликсу. Его стащили при помощи крана с постамента и под ликующие крики увезли прочь.

Москва осталась позади. За окном вагона тянулись пригороды, вывернувшие к полотну железки свою неприглядную изнанку. Ряды бетонных коробочек-гаражей заканчивались неизменной свалкой. Кучи ржавого железа, остовы легковушек, изношенная резина, бутылки, банки и всевозможные отбросы вызывали отвращение. Но наших пассажиров пейзаж сейчас не интересовал. Два бывших воспитанника детского дома возвращались в родной город победителями. Одному из них предстояло отстоять на выборах титул мэра, другому – помочь другу построить рай в отдельно взятом провинциальном городке России. Оба верили, что их планам теперь уже никто не помешает. Два студента, что ехали с ними в купе, спали мертвым сном на верхних полках. Они тоже участвовали в защите Белого дома, теперь отсыпались всласть, и разбудить их мог лишь ушат холодной воды.

Тихон размечтался вслух:

– Демократия сумела себя защитить, и жизнь очень быстро наладится. Цементный завод закончим, выборы проведем.

– Смотри не сглазь. – Усмехнулся Голенев.

– Знаешь, Олежка, я так счастлив! – Постников полез в карман, достал пачку сигарет и потянул друга в тамбур: – Хоть покурю, пока жены нет рядом. Видишь, какой я трус?

– Ты танков, Тиша, не испугался. Не всякий солдат перед танком устоит, а ты у нас человек гражданский. Ты не трус. Ты герой.

Постников, хоть и находилась его жена за триста с лишним километров, закурил так же воровато, как если бы она сидела с ними в вагоне. Затянувшись, еще раз огляделся и, виновато улыбнувшись, добавил:

– Нет, Олежка, я трус...

– Значит, ты очень смелый трус. – Усмехнулся Голенев, и взъерошил другу волосы на макушке.

Некоторое время рядом с железной дорогой тянулось шоссе. По нему на бешеной скорости промчал черный «мерседес». Олег узнал лимузин убитого им бандита:

– Вон твоя героиня полетела. Часа на два раньше нас дома будет.

– Ты сказал, что она подруга Кашеева?

– Так и есть.

– Странно. А мне она понравилась. Смелая, так сказать, девушка, и за дело наше посто-
яла. Кстати, что-то давно самого Кашеева не видно...

– Соскучился?

– Да ладно, хватит о них, об уголовниках... – Тихону не хотелось думать о грустном. Образ идущей на танк Маки не вязался с воровским миром: – Я не герой. Вот девушка... Как ее зовут?

– Мака ее зовут.

– Занятое имя... Она настоящая героиня. Надо подумать, как отметить ее поступок.

– Подумай... Но, и ты, Тихон, держался молодцом.

– Это потому, что ты был рядом. – Постников затушил сигарету, они вернулись в купе. Оба тут же улеглись на свои полки.

– Пожалуй, приеду и брошу курить. Ты же бросил... – Сообщил Постников, натягивая простыню на голову.

– Хочешь, примажем, как я со своим приемным сыном Ленькой. Закуришь, обрею наголо. – Предложил Олег.

Тихон не ответил, он спал... Задремал и Голенев. Оба не сомкнули глаз несколько суток. Слишком напряженные выдались в Москве дни в конце августа одна тысяча девятьсот девяносто первого года.

Мака вернулась в Глухов не на два часа раньше, как предположил Голенев, а почти на пять. Она спешила не случайно. Новая хозяйка кооператива не доверяла бандитам, которых держал на службе Кашеев. Они могли воспользоваться смутным временем путча и разграбить ее владения. Единственно, что ее успокаивало, так это их уверенность, что Кашеев еще жив. Геннадия шестерки панически боялись, поскольку не понаслышке знали о его жестокости.

Но волновалась она напрасно. Все ее службы рьяно праздновали победу демократии. В кафе Какманду шла большая пьянка. Маку встретили громким восторженным матом. Она решила гулянку поддержать и выставила братве ящик водки. Ей принесли бокал коньяка.

– Век свободы не видать! Жалко, Кашея нет. – Прослезился Пятак после третьего стакана.

Мака взяла его за руку:

– Проводи меня домой.

Пятак тут же протрезвел, и слезы у него высохли. Они вошли в холл, где Мака сразу разделась:

– Неси меня в койку.

Он подхватил ее легкое худое тело и поволок в спальню. Положив на постель, расстегнул ремень. Маке это не понравилось:

– Пошел вон, идиот.

– Царица,пусти... – Жалобно канючил Пятак.

– Я сказала, пошел вон.

Он не уходил:

– Дай я с тобой хоть прилягу и посплю на твоей грудке.

– А если Генка вернется...

Он тут же исчез, застегивая на ходу брюки. Мака завела будильник, легла на спину и уснула. Спала тихо, не меняя позы. После звонка будильника открыла глаза, достала из тумбочки пачку Мальборо, закурила, затем взглянула на часы. Стрелки показывали без двадцати три. Она поднялась, набросила на плечи халат и направилась в ванную.

Голенев не мог объяснить, почему пришел в церковь. Возможно, Мака сумела своими словами что-то задеть в его душе. На вокзале, где их встречала казенная «Волга» мэра, Олег ехать к Тихону отказался. Он взял такси и приказал везти его в «Какманду». Из кафе доносились пьяные голоса бандитов, и охрана у ворот отсутствовала. Подойдя к церкви, Олег некоторое время стоял перед дверью, раздумывая, не повернуть ли назад. В прошлый раз Мака находилась здесь голая. Не выкинет ли она что-нибудь подобное и сейчас? Но опасался он напрасно.

Мака, вовсе не обнаженная, а одетая во все черное, молилась на коленях перед иконой Божьей матери. Косынка скрывала ее волосы и лоб. В церкви горели свечи. Худая фигура девушки, в их мерцающем мареве, смотрелась по-монашески строго.

– Спасибо, что пришел, – Мака, не встала с колен и не повернула к нему голову.

– Ты попросила, я пришел.

– Для начала примешь мою исповедь. Священника Кашеев убил, больше мне исповедоваться некому.

– На мне самом слишком много крови, чтобы отпускать чужие грехи.

– Я хочу, чтобы ты знал обо мне все. Пусть между нами не будет вранья и недомолвок. –

Она поднялась с колен, пошла к двери и заперла ее. Голенев усмехнулся:

– Путь к отступлению закрыт?

– К тебе это отношения не имеет. Не хочу, чтобы кто-то из них – она кивнула на дверь – сюда приперся. – Потянулась к иконе, поцеловала лик Спасителя, затем подошла к Олегу, встала напротив и посмотрела ему в глаза своим немигающим змеиным взглядом:

– Клянусь Господом, все, что я тебе сейчас скажу, правда.

Олег ощутил неловкость. Ему случалось оставаться рядом с однополчанами в их последнюю минуту. Уходя из жизни, товарищи иногда хотели сказать о чем-то заветном. Капитану Голеневу и тогда бывало неловко, но он понимал, что обязан выслушать умирающего. Здесь никто не умирал, и он для Маки, являлся, по сути, чужим человеком. Их связывала только кровь Кашеева.

– Я дрянь. – Начала она свою исповедь: – Но у меня с детства все пошло наперекосяк. Когда мне было пятнадцать лет, умер папа. Я не очень любила отца. Не потому, что он был груб, жаден или не уделял мне внимания. Я его редко видела. Мой папа инженер-строитель, вечно в командировках. Мама изменяла отцу. У нее водились любовники. Чтобы освободить квартиру, они мне давали деньги на кино и мороженное. Мне нравилось ходить в кино вечерами со взрослыми. Мужики приставали, а я динамила. Мне не хотелось тогда трахаться с кем попало. Я ждала принца.

– Долго ждала?

– Слушай и не перебивай. Может, я первый раз колюсь до матки. Не порть мне песню.

Олег извинился, и Мака продолжала:

– Папа умер, и мама тут же вышла замуж. Его звали Степан. Красивый мужик, но сильно пил. Не алкаш, но напивался часто и никогда не валился с ног, а только балагурил, пел похабные куплеты и рассказывал такие же похабные анекдоты. Он их знал немеренно. Как-то мама ушла в магазин, и Степан меня изнасиловал.

Мака сознательно изменила историю своего романа с отчимом. Он действительно стал ее любовником, но юная леди сама долго этого добивалась. И дальше она не всегда точно придерживалась фактов. Не то чтобы врал, а лишь меняла акценты.

– Я сначала хотела все рассказать маме, – продолжала она свою «исповедь». – Потом передумала. Мне понравилось. С тех пор он трахал меня при каждом удобном случае. – Тут девушка говорила правду. Ей очень нравилось заниматься сексом в экстремальных условиях. Мака сделала паузу, словно вспоминая острый момент:

– Однажды мама нас застукала. Я ушла из дома. У меня была подруга Катя лет на семь меня старше. С Катей я познакомилась в кино, на одном из вечерних сеансов. Она работала проституткой, но не совсем обычной. Не давала клиентам. Знакомилась, брала деньги и смылась. Я стала проделывать это вместе с ней. Мы на пару создали кооператив «Колоебок». Помнишь сказочку – я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... Правда, бабушки проститутки редко пользуют, а дедушки, случалось... Так мы жили два года. Жили опасно, но мне пришлось по вкусу. Появился азарт. Иногда мы за ночь умудрялись надуть по несколько мужиков. Я накупила себе красивых шмоток, ела только самое вкусное. Питались мы у Кати дома. Она

жила с бабкой, родители куда-то смотались. Кажется, в Перу, или еще куда. В ресторан мы ходили работать. Сначала выясняли, нет ли среди гостей наших бывших клиентов. Если их не было, усаживались за столик, официант подсаживал мужиков. С официантом мы всегда расплачивались. Договорившись с клиентами, мы требовали деньги вперед. Потом еще немного пили, дожидаясь, пока козлы дозреют. Улучив момент, Катя шла в «туалет». Ее долго не было, я отправлялась проверять, куда делась Катя. Вышмыгивала через служебный вход. Подружка ждала меня в такси. Но однажды, когда я пошла «проверять», куда делась Катя, за дверью служебного хода ждал клиент. Он схватил меня за руку и поволок к такси. В машине уже сидела Катя и второй клиент. Катю они в тот вечер изнасиловали и убили. – Только страшный финал в этом эпизоде соответствовал правде. Мака умолчала, что сама сдала свою подругу уголовникам, когда те ее прижали. Поэтому и осталась жива. Но фантазировала она столь вдохновенно, что заподозрить ее во лжи Олегу в голову не пришло. Он был человеком эмоциональным, и рассказ девушки тронул его сердце. Она развивала успех:

– Меня бы тоже убили, но выкупил один бандит. Так я познакомилась с Чириком. Потом Кашеев меня у него отнял. Кашеева я ненавидела. Да я их всех ненавидела. Назло Кашею, трахалась с его шестерками. – Мака сдернула с головы платок и приблизила свое лицо к лицу Голенева: – Понял, какая я тварь?!

– Да, история невеселая. – Согласился Олег.

– Ну не скажи... Веселого в моей жизни было предостаточно, а хорошего мало. Помогите стать человеком. Я не половая щель с глазами. У меня есть сердце и живая душа.

– Ты смелая девчонка. Захочешь начать другую жизнь – справишься.

– Помогите... – Мака обвила его руками.

– Как?

– Бери меня.

– Прямо здесь, на Алтаре? Это же грех.

– Хочу именно здесь, перед Его ликом. Будет грех, если ты меня потом бросишь.

– Не могу в церкви. Это тоже, что на знамени...

– Веришь в Бога?

– Нет, но уважаю веру других.

– Я тебе нравлюсь? По глазам вижу, что да.

– Неважно. Тут я этим заниматься не буду.

– Я и не настаиваю. Живу рядом. – Мака задула свечи, взяла Олега за руку и вывела из церкви.

Утро победы демократии жители Глухова в веселый праздник не превратили. Большинство из них и теперь не понимало, радоваться или печалиться событиям в Москве. Сильная власть, которая решала бы все за них, была им понятнее. Но народ никогда не сочувствует проигравшим – «Выходит, не смогли... Поглядим, что теперь будет».

Глядеть на трезвую голову скучновато, и магазины сразу после открытия начали делать неплохую выручку от продажи спиртного. Но пили тихо, стеснительно, без куража.

Трезвость соблюдали только чиновники. В приемной Постникова собрались все начальники города. Тихон явился как всегда в девять. Чиновники поднялись и уважительно пожали ему руку.

– Мы все душой были там с вами... – Заискивающе улыбнулся Максютя.

– Спасибо, друзья. Наши победили, а иначе и быть не могло. Народ уже не быдло, на которое, так сказать, легко набросить ярмо. Коммунисты этого не поняли... – Постников пригласил всех в кабинет и официально поздравил с окончательным приходом демократии. Затем он предложил через месяц провести выборы: – Если кандидатура Славы остается в силе, я ничего против не имею. Вячеслав Антонович Стеколкин выдвинут советом администрации, и

вам лучше знать его сильные и слабые стороны. Будем сражаться в честном бою. Один день газета и радио ваши, другой – мои. И по одному программному выступлению на местном телевидении. В субботу перед выборами никакой агитации. Согласны?

Чиновники не возражали и, снова пожав мэру руку, разошлись. Постников вызвал Юлю:

– Голенев не приходил?

– Нет, Олега Николаевича я сегодня не видела.

– Придет, сразу ко мне.

– Хорошо, господин мэр. – Она остановилась у порога, но из кабинета не вышла.

– У тебя еще что-то?

– Мы, Тихон, вами гордимся. Вы у нас герой.

– Не надо, Юля. Мне было страшно. Если бы не Олег, может, так сказать, я бы и драпанул....

– Не драпанул ведь?

– Слава Богу, нет. Мне теперь хоть не стыдно в собственные глаза взглянуть, а то бы позор на всю жизнь...

Юля еще раз повторила, что гордится начальником и, смущенная от своих признаний, удалилась.

Постников прошелся по кабинету, задумчиво посмотрел в окно, после чего сел в кресло и начал писать предвыборное выступление. Он верил, что теперь народ стал другим. Горожане так же радуются победе светлых сил, и кандидат в мэры Глухова говорит со своими избирателями на одном языке. Постникова жизнь ничему научить не могла. Он был и остался кабинетным идеалистом.

Голенев позвонил в квартиру Павла и Веры в восемь утра. Семейство кооператоров уже проснулось и завтракало. Все пятеро приемных ребятишек, завидев Олега, вскочили со своих мест и бросились к нему. Голенев поднял детей на руки, хотя вместе они организовывали серьезную массу, и ему пришлось нелегко.

– Мы знаем, ты победил танки. – Закричал самый маленький, Митя, пытаясь покрепче ухватить Олега за шею.

– Наш папа всех победил. – Стараясь его перекричать, завопила Ирочка. Каждый ребенок пытался донести до приемного родителя радость от встречи, и гвалт в квартире стоял ужасный. Но Олег не спешил освободиться. Он чувствовал перед родителями погибшей жены вину за свое ночное приключение, и дети помогали это чувство преодолеть. Тема, самый солидный из бывших сирот, первым опустился на пол и, дернув Олега за рукав, заявил: – Ты, отец, не имел права так поступать.

– Как поступать? – Не понял начинающий папаша.

– Тебя там могли убить, а нас бы опять вернули в детский дом. Тебе воевать больше нельзя. У тебя дети...

Олег не сразу нашелся с ответом. Опустив остальных ребят на пол, он взял Тему за плечи:

– Послушай меня, сынок, на свете бывают такие вещи, в которых любой настоящий мужик обязан участвовать. Если на нашу Родину нападёт враг, я пойду на войну. И еще, если новой власти станут мешать разные бандиты, я тоже в стороне не останусь. Иначе вы сами будете меня стыдиться. Но обещаю, просто так, из озорства, жизнью рисковать не буду.

Остальные ребята обступили Олега и вместе с Темой молча выслушали его ответ.

– А скоро опять будет война? – Забеспокоилась Ирочка.

– Не знаю, ребята. Это не от меня зависит. Пока как будто нашей стране никто напрямую не угрожает...

– Все равно мы всех победим. – Сделал вывод Лёня.

– Конечно, победим.

– И бандитов тоже? – Засомневался Саша.

– Должны победить и бандитов... – Улыбнулся Голенев.

Наконец ребята вернулись к завтраку. Вера с Павлом пожали зятю руку и усадили за стол. Раскладывая кашу в тарелки детям, тесть пожаловался:

– Мы много пережили за эти несколько дней.

Голенев не знал, что на это сказать, и промолчал. Заговорила Вера:

– Да, эти денечки стоили нам крови. Но, видите, на столе и сыр, и масло, и колбаса. Благодаря вашей заботе, ни мы, ни дети ни в чем, пока вас не было, не нуждались.

Голенев не любил подобных признаний. В них всегда присутствовало самоунижение, от которого его корбило:

– Не надо об этом, Вера.

Глаза Павла неожиданно покраснели, и он потянулся в карман за платком.

– Как бы радовалась наша девочка вашему возвращению! Не дожила Тоня...

Олег тоже почувствовал, комок у горла, и ощутил жгучий стыд за свое свидание с Макой. Чтобы не выдать себя, как всегда это делал в минуты неловкости, извлек расческу, провел ею по волосам и, чтобы сменить тему, спросил:

– Трудно с ребятами?

Вера просияла:

– Совсем не трудно. Ребятишки мне горе помогают осилить. Я им за это благодарна. Я, права Паша?

Павел энергично закивал головой:

– Ребят нам словно сам Господь послал. Не представляю, как бы мы все это переживали вдвоем?.

Дети поняли, о чем идет речь, и притихли. Они разумом не могли осмыслить груз, свалившийся на взрослых, но сердечками их боль чувствовали. Взрослые уныние ребят заметили, и принялись за еду. В конце завтрака Олег спросил Павла:

– Мне иногда нужна машина. Здесь машины на прокат никто не сдает?

– Зачем напрокат, возьми нашу «Волгу». – Предложил тесть: – У нее немного глушитель сечет, а так она в порядке.

– А вы на чем ездить будете?

– Я «Рафик» чаще пользую, а «Волжанка» стоит.

– Я на время. Дом дострою, куплю себе иномарку. А без гаража новую машину заводить опасно.

– Держи сколько нужно. Ты и так для нас столько делаешь. Хоть чем-то отблагодарить и то приятно. – Улыбнулся Павел.

– Спасибо, воспользуюсь... Надеюсь, теперь строительство на Вороньем холме быстро доведу до ума. Дети переедут в новый дом, и вам, Вера и Павел, я бы предложил, как только стройка завершится, тоже переехать ко мне.

– Нет, Олег. У нас есть свой угол, и мы останемся тут. В гости непременно, а жить не получится. – Отказался Павел. Вера мужа поддержала:

– Я-то буду к вам каждый день бегать. Как с пятерыми один мужик справится? Помогу, пока силы есть. Да и к детям уже привязалась. А соберетесь куда в командировку, заберу их сюда. Пусть и тесновато, зато у себя. – Помолчала и добавила: – Вы еще, Олег, очень молоды, вам надо о новой жене думать...

Голенев снова достал расческу:

– Жениться я не собираюсь, и прошу вас, Вера, эту тему больше не поднимать...

– Не обижайтесь на жену. Жизнь берет свое, а вам с ребятами нужна молодая хозяйка.

Голенев глотнул чая и подумал о Маке. Но представить ее в качестве многодетной матери не смог. Она была сообразительна, по-своему красива, но чего-то в ней не хватало, и жениться на ней Олег не помышлял. Хотя место в его сердце бывшая подруга бандита уже отвоевала.

Секретарша мэра Юля, завидев бывшего афганца, широко улыбнулась:

– Он о вас с утра спрашивала. Проходите скорее, ждет...

Олег вошел в кабинет и увидел Постникова, склоненного над листом бумаги. Тихон что-то быстро писал авторучкой.

– Присаживайся, Олежка. Сейчас мысль закончу, и поговорим.

– Роман пишешь?

– Пишу свою, так сказать, предвыборную программу для нашей газеты.

– Ручкой? У тебя же машинка на столе...

– У меня и компьютер есть, но не привык еще мысли машине доверять. Правда, с Интернетом уже познакомился. Замечательная штука. Но пока это самое начало. Скоро с его помощью за секунду в любой конец мира долетит послание. И, заметь, не телеграмма, а хоть многотомный труд! Представляешь, как изменится мир.

– Пока не очень.

Тихон принялся объяснять прелести электронной революции, но Голенев его перебил:

– Скажи, ты Сашку Василька давно видел?

– Василькова? На встрече в детдоме, в прошлом году. А зачем тебе он?

Голенев не ответил:

– У тебя есть его адрес?

– Нет, но можешь у мамы Руфы узнать. У нее всех наших адреса хранятся. Хотя подожди, что-то связанное с Васильком у меня было... – Постников выдвинул ящик своего стола и, углубившись в его содержимое, продолжал: – Я слышал, он пристрастился к азартным играм. Странный парень, талантливый, но ленивый, так сказать, патологически. Знаешь, чем он кормился? Подделкой подписей на документах. Едва тюрьмы избежал. Ты же помнишь, он любой почерк мог подделать.

Про этот талант однокашника Олег помнил. И именно поэтому его искал:

– Я, Тиша, задумал разыграть одного человека. Хочу к Васильку обратиться.

– Не отвлекай. Дай статью дописать... – Тихон задвинул ящик и снова склонился над своим листком, но ничего не написал и бросил ручку: – Ладно, черт с тобой, возьму, так сказать, тайм-аут. С адресом Сашки немного подожди. У меня к тебе разговор.

Голенев уселся в кресло:

– Слушаю тебя, Тиша.

Тихон достал из ящика стола пачку «Мальборо», прикурил, глубоко затянулся и закружил по кабинету. После третьего круга остановился возле Олега и выпалил:

– Намерен предложить тебе, так сказать, пост начальника городского отдела МВД. Что скажешь?

Голенев промолчал. Постников затушил сигарету и вернулся за стол:

– Естественно, это в том случае, если я побеждаю на выборах.

– Из этого ничего не выйдет.

– Почему? Помнишь, мы же с тобой мечтали очистить город от криминала. Ты обещал мне помочь.

– Не отказываюсь.

– Я тебя не понимаю. Помочь не отказываешься, а принимать пост не хочешь...

– Тиша, у меня бизнес. Стану чиновником, о бизнесе придется забыть. А твой цементный завод мы еще не запустили. Это раз.

– Есть и два?

– Есть. Милиция, какой бы начальник ее не возглавлял, с криминалом справиться не может.

Постников снял очки, положил их на стол и удивленно посмотрел на друга:

– Это что-то новенькое...

– Для тебя, Тиша. Только не обижайся, ты руководитель кабинетный, а я шкурой с братками соприкоснулся.

– Допустим, я кабинетный, но ты-то вояка. Надевай погоны и сажай эту сволочь.

Олег поморщился:

– Кого сажать?

– Как кого? Убийц, грабителей, злостную шпану, хулиганье... Мало ли их в городе?

– Жулики всегда были, есть и будут.

– Ты предлагаешь жить в мире с криминалом? Или, так сказать, сотрудничать с ним?

– Я ничего не предлагаю. Но обещаю, если какой-нибудь бандит встанет у тебя на пути, я его уничтожу.

– Как?

– А это уже мое дело... Ты хотел мне помочь с адресом Сашки. Будь добр, сделай это сейчас.

– Что сделать? – Постников в пылу спора о просьбе Олега забыл. Затем вспомнил и, тяжело вздохнув, снова выдвинул ящик письменного стола. Порывшись в нем некоторое время, извлек бумагу:

– Прости, Олежка. Я совсем забыл... Васильков все же угодил в тюрьму. Его адрес – Воловая, десять.

– Сделай одолжение, Тиша, позвони начальнику тюрьмы, пусть мне Василька на полдня отдадут. Верну в целости и сохранности...

– Но это же, так сказать, незаконно.

– Тиша, чтобы заработать на цементный завод, я тоже иногда переступал закон.

Тихон покачал головой и снял трубку.

Иржи Новатный любил работать ночами. Большая семья чешского бизнесмена днем превращала дом Иржи в нечто вроде клуба. Трое его сыновей в возрасте от пятнадцати до двадцати двух отличались невероятной активностью и были весьма общительны. Каждый из них завел множество друзей, а поскольку отдельные дома с десятком комнат имели в Праге далеко не все, молодежь собиралась у Новатных. Жена Иржи, Ева, тоже принимала подруг. Подростки, молодежь и богатые, томящиеся от безделья женщины заполняли дом бизнесмена, и ему порой не находилось в нем места. Кабинет, который Иржи себе строил с надеждой на личную крепость в собственной обители, перестал быть таковой с тех пор, как Новатный завел себе компьютер. Сыновья быстрее отца овладели чудом электронной техники, и вскоре заняли кабинет. Сперва спрашивая у него разрешения, а затем, обнаглев, как все отпрыски, которых любят и балуют, являлись когда хотели. Иржи оставалась ночь. Правда, на время кремлевского путча он вернул себе кабинет, где по приемнику и телевизору следил за событиями в горбачевской России. Эти события его волновали не только как приверженца демократии. В СССР у него имелся бизнес, и победа ГКЧПистов грозила серьезными убытками. Кроме того, Иржи симпатизировал своему компаньону Олегу Коленеву, и понимал, что тому и вовсе грозит опасность. Он даже дал телеграмму в Бирюзовск, в которой приглашал кооператора и его ближайших помощников в Прагу. После победы Ельцина в Москве жизнь вернулась в нормальное русло, и дети снова зачастили в кабинет. Днем работать мешали, и он нередко засиживался за своим письменным столом до трех утра. Но сегодня решил лечь пораньше, поскольку вылетал утренним рейсом в Нью-Йорк. Маленький чемодан со сменой белья и двумя рубашками сложил заранее. Вещей

Новатный давно с собой не возил. Имея банковскую карточку, он мог купить себе все необходимое на месте.

– К тебе можно? – Для приличия спросила Ева, уже переступив порог кабинета.

– Конечно, дорогая. Ты всех гостей проводила?

– Нет, милый. Злата осталась у нас ночевать.

Иржи разыграл удивление:

– И ты оставила подругу ради встречи со мной? Как это мило...

– Злате я больше не нужна. Она готовит себя ко сну. Это целый ритуал.

Иржи улыбнулся:

– Догадываюсь. Примерно так фараона готовили к саркофагу.

Молодая подруга жены к пятидесяти годам успела поработать над своей внешностью. Она ходила в парике, дантисты выдрали у нее зубы и вставили нечто голливудское, грудь дамы тоже не осталась без внимания пластической хирургии, а подтяжки лица она делала каждые два года.

– Да, Злата следит за собой. Не вижу в этом ничего смешного. – Ответила Ева на саркастическое замечание мужа. – Когда ты вернешься из своей Америки? Я очень не люблю полетов над океаном. Не дай бог что, и все утонут...

– Дорогая, если реактивный самолет падает, океан под ним, пустыня или джунгли – совершенно безразлично. А лечу я на пять дней. Три в Америке, два в Канаде.

– Привези мне кленового сиропа. Говорят, это очень вкусно.

Иржи не успел ответить. На его столе зазвонил телефон. Ева чмокнула мужа в щеку и поспешила удалиться. Деловые разговоры супруга ее утомляли.

– Слушаю.

– Привет, Иржи, это Коленев. Не разбудил?

– Нет, рад тебя слышать. Ты же знаешь, я работаю допоздна. Но застал ты меня чудом. В семь утра я улетаю.

– Куда, если не секрет? Не к нам в Бирюзовск?

– Нет, в Америку.

– Прекрасно! – Обрадовался Коленев: – У меня к тебе огромная просьба.

– Слушаю.

– Мне нужно послать одно письмо из Америки в Россию. Что-то вроде розыгрыша. Помоги.

– Нет ничего проще. Пиши телефон моего компаньона в Нью-Йорке. Я буду три дня безвылазно в его офисе. Перекинь мне текст, а я отправлю.

– Текст я высылать не буду. Я его вложу здесь. Пришли мне пустой запечатанный конверт и на нем обратный адрес на имя Геннадия Кащеева.

– Повтори фамилию. – Попросил чех.

Коленев повторил, пояснив, что имя Геннадий пишется с двумя буквами «н».

– Нет проблем, диктуй куда посылать.

Коленев продиктовал адрес кооператива Маки.

– Записал.

– Только, пожалуйста, не затягивай.

– Завтра же вышлю. – Пообещал Новатный.

– Спасибо. И будь добр, никому не говори об этом.

– Не волнуйся, конспиратор. Как дела в Бирюзовске?

– Пока тихо. Ребята ремонтируют оборудование после сезона, а я смотался на родину.

– Удачи, и привет Тоне. – В трубке помолчали. – Ты меня слышишь? – Заволновался Иржи.

– Слышу. Тони больше нет. Ее убили.

- Во время переворота?
- Раньше. Ее убили в Бирюзовске.
- Прими мои соболезнования.
- Спасибо, Иржи.

Новатный закончил разговор и замер в кресле. Жену Голенева он видел всего раз, но эта молодая женщина ему запомнилась. Он даже позавидовал Олегу. Не потому, что Тоня была молода и красива. Иржи по глазам Тони понял, что она не только любит мужа, но и будет помогать ему по жизни, чтобы ни случилось. От своей супруги Иржи этого никогда не ждал. Ева жила своей жизнью, он своей. Они нашли форму общежития, которая со стороны напоминала семейное счастье.

Лена лежала в койке, отвернувшись к стене. Ее соседка справа Галя Точилина сидела на кровати и шепталась с Лидой Курковой. Лиду к ним в палату поселили недавно, и она Галю не боялась. На вид Галя и была не страшная, только бритая голова и бегающие, глубоко посаженные глазки производили не слишком приятное впечатление. Но это при первом знакомстве. Потом люди привыкали. Зато голос у Гали звучал нежно, она словно ворковала с собеседником.

– Думаешь, скоро выйдешь? – Шептала она Лиде: – Нет, голубушка, из Ганнушки быстро не выйдут.

– Почему? – Испуганно спросила Лида.

– Тихо ты. Санитары услышат, что мы ночью ля-ля разводим, прикрутят к койке. А не выходят от нас потому, что мы на воле им опасные.

– Я совсем не опасная. – Возмутилась Лида.

– Не опасная, тут бы не лежала. Добрых придурков вниз селят. Там после наркоты и вообще... А здесь жуть... А потом, что нам на воле делать? С нашим диагнозом на работу не возьмут. Чуть что, в чумовоз и обратно...

– А диагноз почему нельзя снять? – Недоумевала Лида.

– А кто на себя ответственность возьмет? Кагарлицкий? Никогда. Псих он и есть псих. Сегодня в норме, завтра кого-нибудь пришибет.... А профессор за свое место держится.

Лена лежала, внешне никак не реагируя на шепот соседок. Но запоминала каждое слово. Три дня назад она вспомнила имя дочки, а потом уже свое. Дальше на нее словно сошло озарение. Пелена с памяти спала. Она – Елена Ивановна Ситенкова, вдова погибшего в Афганистане летчика. Профессор Кагарлицкий раз в месяц беседовал с каждым пациентом по часу. Лена была у него почти месяц назад. Тогда она еще ничего не понимала, и на все вопросы профессора отвечала односложным «нет». Теперь она знала, что хочет на волю. Первый шаг к ней – очередная беседа с заведующим отделением.

Лена задумалась и перестала слушать соседок. Но интонация Гали начала быстро меняться, и она насторожилась.

– Гади́на. Ты меня не слушаешь! – Шепот Гали перешел в истерический крик. Она спрыгнула с кровати, схватила Лиду за горло и повалила. Лида только успела замычать.

Лена повернула голову и увидела искаженное злобой лицо Гали. Лида уже хрипела.

– Помогите! – Собрав все силы, крикнула Лена.

Два санитары ворвались в палату. Галю с трудом оттащили от соседки, она билась у них в руках, изрыгая отвратительную брань. На помощь санитарам подоспел третий со шприцем. Галю привязали к койке и сделали успокоительный укол.

Лиду трясло от ужаса, и ей сделали укол тоже. Через некоторое время Галя ругалась уже не так громко, а минут через пятнадцать затихла совсем. Лида продолжала всхлипывать, потом приподнялась, обвела палату пустым бессмысленным взглядом и громко сказала:

– Когда мне принесут яд, я отравлю профессора Кагарлицкого. Он черт.

Лена вздохнула и закрыла глаза. Она очень надеялась, что скоро покинет эту компанию. По ее подсчетам, заведующий отделением пригласит ее на беседу на этой неделе.

В логове Кашеева все шло своим чередом. Магазины торговали, автосервис обслуживал автомобилистов, кафе «Какманду» кормило и поило посетителей, а Мака империей бандита руководила. С момента ее возвращения из Москвы прошло три недели. Среди шестерок Гены начались разговоры о его затянувшимся отсутствии. Масло в огонь подлил гость с Юга, Вахтанг Самонидзе. Правая рука бандита Жвания приехал узнать, почему Кашеев бросил своего человека без всякой помощи. В Бирюзовске судили шестерку Кашеева по кличке Чирик, и сам Вано Жвания заплатил адвокату.

Так уважающие себя авторитеты не поступают. Мака приняла грузина со всеми полагающимися почестями. Приказала поить и кормить его в кафе Какманду бесплатно. Она надеялась, что бандит через пару дней уедет. Его праздное пребывание в кооперативе напоминало шестеркам об отсутствии хозяина. Но тот решил дожидаться Гены. Весьма кстати в понедельник в офис кашеевского кооператива пришло письмо из Нью-Йорка «от самого Геннадия Кашеева». Мака собрала службы в кафе, и в присутствии Вахтанга Самонидзе письмо зачитала. В нем «Кашеев» сообщал, что в связи с новыми возможностями после окончательного разгрома Советов он решил заняться крупным делом и уехал в Америку. Все свое «Глуховское» хозяйство он поручал заботам любовницы. Мака становилась полноправным директором с полномочиями казнить и миловать сотрудников. Ей же разрешалось увольнять неугодных и принимать новых. А также использовать по своему усмотрению прибыль от кашеевского бизнеса. Начальник охраны Игорь по кличке Хруст взял из рук Маки письмо и внимательно его рассмотрел. Он знал почерк Гены и его витиеватую подпись. И почерк, и подпись принадлежали Кашееву. Бандиты выслушали Маку молча, и так же молча разошлись. Вопросов никто не задавал. Теперь отсутствие хозяина получило понятное объяснение. Ходить под бабой не всем нравилось, деваться было некуда. Мака вернула Самонидзе деньги, истраченные его боссом на адвоката, и грузин тут же уехал.

Только Пятак задержался возле хозяйки:

– Теперьпустишь?

– Куда? – Сыграла в дурочку молодая директорша.

– В коечку к себе. Куда же еще? – Ухмыльнулся Пятак.

– Пошли. – Мака поднялась и решительным шагом двинула к двери. Пятак резво поспешил за ней. Она вошла в свой коттедж, как всегда скинула в прихожей одежду и тем же решительным шагом отправилась в спальню. Забравшись на постель, проследила, как Пятак быстро стягивает с себя брюки, открыла тумбочку, достала из ящика пистолет и почти в упор выстрелила бандиту в коленку. Пятак истошно заорал и повалился. Мака высунулась из окна и окликнула охранников. Орущего Пятака вынесли, а через минуту к ней явилась барменша Света вместе с посудомойкой Клавой. Женщины тщательно вымоли пол от крови бандита. Мака завернулась в простыню и, лежа в постели, молча наблюдала за их работой. Когда они закончили и направились к двери, Мака окликнула барменшу. Светлана задержалась. Хозяйка жестом указала ей на постель, и та нерешительно присела на краешек кровати.

– Послушай, Светка, ты всех наших знаешь. На кого, по-твоему, можно положиться? Пятаку нужна замена.

Светлана задумалась. Мака ее не торопила, отслеживая за выражением лица Светланы своим немигающим змеиным взглядом. Светлана напряженно думала. Мака скривила губы: – Ты мне своего Хрустика не подсовывай. Подыщи мужика свободного, который за меня в огонь и воду...

Светлана посмотрела на хозяйку с удивлением. Мака свою мысль пояснила:

– Ты не так поняла. Мне для койки парень не требуется. Мне нужен верный и смелый раб.

– Тогда Трофимка. – Тут же нашлась Светлана.
– Это тот, новенький, что всегда молчит?
– Да, он не трепач, но парнишка крепкий, не чета нашим оболтусам.
– Сидел?
– Да. Пять лет за драку.
– За драку? – Удивилась Мака. Она была уверена, что любой парень, если он не тряпка, в драках участвовал: – Так можно полстраны пересажать...
– Трофимка зашиб кого-то до смерти или взял вину на себя. Точно не знаю. Сам молчит, а братки про него мало могут рассказать. Парень у нас всего месяц.
– Поэтому Кашей ему еще кликуху не придумал. – Усмехнулась Мака: – Иначе бы его звали Монетик, Тугрик, или Четвертак...
– Приедет, придумает. – Пообещала Света.
– Кто приедет? – Не поняла Мака.
– Гена твой... Кашеев, кто же еще...
– Он не скоро из Америки вернется. Я сама парню кликуху придумаю. Зови его ко мне.
Светлана кивнула и молча вышла. Мака сбросила с себя простыню и взяла с тумбочки журнал. Трофим возник на пороге и замер. Парень был явно смущен видом хозяйки.
– Заходи, Трофим. Ты на меня внимания не обращай. Я дома одеждой не пользуюсь. Но запомни, эта моя привычка вовсе не означает приглашения в койку. Понял?
– Да. – Ответил Трофим, оставаясь каменеть на пороге.
– Подойди сюда. Там в баре есть коньяк. Налей мне полбокала и, если хочешь, себе.
Он молча выполнил просьбу хозяйки, но пить с ней не стал. Мака приняла бокал из его рук:
– Тебе не нравится коньяк?
– На работе не пью. – Трофим старался не глядеть в ее сторону.
– Дело твое. Тогда присаживайся, хочу с тобой поговорить.
– Можно, постою.
– Мне так с тобой говорить неудобно. Не хочешь сидеть рядом, освободи от шмоток кресло и присаживайся на него.
Трофим подошел к креслу и, увидев на нем интимные части женского туалета, замешкался.
– Бросай все ко мне на койку. – Приказала Мака.
Парень, наконец, уселся, неловко сложив руки на коленях. Находясь в спальне с голой девой, он явно чувствовал себя не в своей тарелке.
Она достала из пачки сигарету:
– Сколько тебе платил Кашеев?
– Пятьдесят баксов в месяц.
– Ну же... – Мака держала сигарету в руке и смотрела на парня.
– Я же ответил.
– Дубина, видишь, у меня сигарета. Мужчине положено предложить даме огня.
Трофим вскочил, извлек из кармана зажигалку, и с третьего раза сумел ею воспользоваться. Хозяйка прикурила и накрылась простыней. Парень вздохнул с облегчением.
Она усмехнулась:
– Ладно, я не буду тебя больше смущать, давай о деле. Тебе нужны деньги?
– Конечно, нужны. Я с зоны. У мамы маленькая пенсия. У меня даже приличного костюма нет.
Мака открыла тумбочку, выдвинула ящик и достала пачку долларов:
– Здесь штука. Возьми и приоденься. – Она бросила банкноты к ногам парня. Трофим не пошевелился:

– За что?

– Ты будешь получать так каждый месяц.

– Что я за это должен?

– Водить меня на машине и полностью обеспечивать мою безопасность. Работа круглосуточная. Отлучаясь, обязан оставлять свои координаты. Даже если ты в койке с девчонкой.

– И это все?

Мака залпом допила коньяк:

– Почти. Еще держать рот на замке. Чтобы я ни говорила другим людям, какую бы лапшу на уши им ни вешала. Чтобы заработать бабки, иногда приходится ломать дурочку. Кроме того, у меня есть парень. Сможешь молчать?

– Это проще всего. Я вообще не любитель языком молоть.

– Тогда подними деньги и начинай работать.

– Можно вопрос?

– Валяй.

– За что вы стреляли в Пятака?

– Он хотел меня трахнуть, а я не хотела.

– Понятно.

– Больше вопросов нет?

– Больше нет. – Трофим собрал доллары, засунул в карман и поднялся: – Когда приступать к работе?

Мака затушила сигарету:

– Ты уже приступил. Забери у Светы ключи от «мерседеса». В пять часов мы поедем на Вороний холм. У тебя есть ствол?

– Нет.

Она снова открыла тумбочку и достала из нее пистолет, из которого полчаса назад стреляла в своего прежнего телохранителя:

– Возьми. Раньше мне приходилось защищать себя самой, теперь эта обязанность перешла к тебе.

Мака ехала на Вороний холм без предупреждения. Она уже провела с Олегом несколько ночей после встречи в церкви и считала, что право на внезапный визит заработала. Она также знала, что в доме заканчиваются отделочные работы, и Голенев проводит там много времени, наблюдая за строителями. Но Олега на стройке не оказалась. Мака обошла весь дом. Первый этаж с огромной столовой, кухней и подсобными помещениями строители уже закончили. Девушка не ожидала, что жилище бывшего афганца выглядит столь внушительно. И хоть мебели в столовую еще не завезли, но по ультрасовременной плите, роскошной импортной сантехнике и двухметровому шведскому холодильнику она без труда представила себе, как это будет.

«Солдатик с размахом», – улыбнулась Мака и по широкой дубовой лестнице поднялась на второй этаж. Тут еще работы хватало. Строители укладывали паркет, сверлили стены под электрику и стеклили окна.

– Когда хозяин появится? – Спросила она у молоденького кавказца, дождавшись, когда он выключит дрель.

– Олег Николаевич никогда не говорит. Когда хочет, тогда и приезжает. – Ответил парень и оскалил в улыбке белозубую пасть. Мака кивнула и прошла по этажу. Она поняла, что на втором этаже Олег задумал пять небольших комнат для приемных детей, свой кабинет и просторную спальню. Из холла вела лестница и на третий этаж. Но лестницей занимались два мужика в спецовках. Они покрывали ступеньки лаком. Мака решила строителям не мешать и

спустилась вниз. На улице она еще раз оглянулась на новый дом Голенева, уселась в «мерседес» и приказала Трофиму везти ее назад.

Телохранитель молча тронул с места. Парень слов произносил мало, и хозяйку это устраивало. Вернувшись в кооператив, Мака зашла в магазин, торговавший импортной мебелью. Директором магазина работал еврей Цыпкин. Единственный из служащих Кашеева, не имевший уголовного прошлого. Геннадий наладил доставку мебели из Польши, которая стоила гораздо дешевле итальянской, но производила впечатление очень дорогой. Поляки пыль в глаза пускать умели. Бизнес оказался выгодным. Мака обошла торговый зал, заглянула на склад, но того, что искала, не обнаружила

– Ефим, мне нужен классный столовый гарнитур. Как быть? – Обратилась к нему Мака.

– Что ты имеешь в виду? – Ответил заведующий вопросом на вопрос.

– Я неясно выразилась?!

– Почему не ясно? Ясно. Но ты же знаешь, Геннадий не заказывал мебели у известных фирм. Наши богачи не слишком разборчивы. Он им впаривал то, что ты видишь.

– Мне нужен классный столовый гарнитур. Найди в течение трех дней.

Цыпкин загадочно улыбнулся:

– Если нужен, зачем ждать три дня. Пойдем, покажу. – И повел Маку на улицу. В ангаре, напротив магазина, стоял упакованный в пузырчатую пленку огромный стол карельской березы и двенадцать стульев.

– К нему еще есть великолепный буфет и две тумбы под цветы. – Сообщил Цыпкин, указывая в дальний угол ангара.

– Откуда у тебя это? – Подозрительно оглядев заведующего, поинтересовалась Мака.

– Вообще-то, я это заказал для себя... Ну, и если возникнет настоящий клиент... Для хорошего человека ничего не пожалеешь.

– Какая его себестоимость?

– Две с половины тысячи зеленых. Но продать можно за десять.

– Сейчас же погрузи гарнитур в фургон, и с двумя рабочими на Вороний холм. Пусть распакует и установят.

– А деньги? – Заволновался Цыпкин.

– Две с половиной получишь. – Отрезала Мака.

Заведующему это не понравилось:

– А хлопоты, а заработок?

Мака нахмурилась:

– Ты хочешь на мне заработать?

– Я думал, на клиенте.

– Вопрос закрыт. Не нравится, пошел вон. Я найду другого заведующего для своего магазина.

– Зачем же так, Мака? Если это лично для вас я, конечно, буду счастлив получить свои деньги. Заработать на хозяйке мне и во сне не снилось.

– Прекрасно, Ефим. Тогда сделай, что я тебя прошу.

– Слушаюсь.

– И скажи мужикам, чтобы не трепались, откуда мебель. Владелец дома не должен этого знать.

Покинув ангар, Мака заглянула в кафе «Какманду» и, заказав себе порцию коньяка с лимоном, приказала позвать Хрустика.

Бандита привели.

– Где они?

– Поехали в заказник.

– Втроем?

- Нет, с ними директор молокозавода.
- В семь собери банду.
- Всех?
- Только ребят Косяка.
- Предстоит разборка?
- Так, небольшая разминочка.

Хруст кивнул и, оскалившись, исчез в подсобке барменши Светы. Через секунду оттуда раздался ее кокетливый визг впереमेжку с хихиканьем. Затем стало тихо, а через десять минут Светлана вышла в зал, на ходу поправляя прическу.

– Не смей трахаться на работе, Светка. – Пожурила ее Мака и потребовала еще сто граммов коньяка.

Костер горел ярко, разбрасывая искры и постреливая сучьями. От его жарких языков огромная ель высвечивалась рыжим цветом. Ее лапы от метания теней, казалось, шевелятся.

Четверо мужчин в камуфляжных костюмах расселись у костра на складных креслах. Перед ними прямо на брезенте лежали продукты и бутылки. На пригорке уютно светились два оконца охотничьего домика. Пока господа закусывали, егерь готовил баньку.

Данила Остапович Максютя разлил водку по стаканам. Выпили молча. Закусили красной рыбкой и соленым огурцом.

Охота выдалась удачная. Курдюк с первого выстрела уложил секача. Но есть дикую свинью чиновники не стали. Тушу сдали егерю Никитке, чтобы тот ее освежевал, разделал и заготовил для хозяев города консервы.

Мужчины долго и серьезно закусывали. Но и насытившись, разговора о деле не начинали. Собравшись на охоту, они условились обговорить выборы. Решили совместить приятное с полезным. Но полезное навело тоску, и беседу о делах они оттягивали.

– Да, мужики, – задумчиво произнес Паперный, поглаживая живот ладонью: – Хорошо на природе. Забываешь всю эту хренотень. Колготимся, а зачем?

– Да, хорошо... – Согласился Максютя: – Листом палым пахнет, и тихо. Главное, баб нет...

С погодой им повезло. К вечеру ветер стих и было слышно, как опавшие листья приземляются на землю.

– Блядь, яму не заметил! Чуть, сука, ногу не сломал. – Отчетливо прозвучало из леса.

Курдюк вскочил на ноги:

– Слышали, мужики?

– Никитка, что ли? – Предположил Стеколкин.

– Не его голос – Возразил Курдюк.

– Али-баба и сорок разбойников. – Пошутил Максютя.

– Пойду, гляну. – Паперный поднялся, взял ружье и шагнул в темноту. Максютя оглянулся на охотничий домик и увидел темные окна:

– Хули Никитка в домике свет погасил?

– Хер его знает. – Раздраженно ответил полковник.

Время шло, а Паперный не возвращался.

Курдюк и Стеколкин напряженно всматривались в темный лес.

– Долго что-то его нет? – Заволновался Максютя.

– Пальнул бы, если что. Или драпанул к нам. – Усмехнулся Курдюк: – Вроде тяжеловат, и брюшко, а как попрет по чаще, за ним не угонишься.

– Может, деревенские, грибы ищут? – Высказал свою догадку Стеколкин.

Максютя хохотнул:

– В темноте?

– Надо хворосту подбросить, пусть пламя поднимется. – Курдюк нехотя встал и навалил на костер охапку валежника. Пламя метнулось вверх, салютом разбрасывая искры. Круг света раздвинулся, и охотники увидели четырех мужчин в масках. Они стояли в трех шагах, направив на друзей пистолеты.

– Вы кто? – Поинтересовался Курдюк.

– Партизаны, дядя. – Ответил тот, кто стоял ближе, и добавил:– На землю, мордой вниз. Быстро!

Повторять ему не пришлось. Максютя и Стеколкин залегли, уткнувшись лицами в траву. Курдюк опустил не столь поспешно и устроился так, чтобы одним глазом наблюдать за происходящим. «Партизан» подошел к костру, взял их ружья и отступил назад. Полковник потихоньку потянул руку к карману. Там у него лежал личный браунинг, который он года два назад конфисковал на воровской малине, а в протокол не внес. Но добраться до кармана не удалось. Получив удар по голове, Курдюк отключился.

– Ваня, живой? – Полковник очнулся и понял, его трясет за плечо Максютя. Данила Остапович сидел рядом на коленях, вглядываясь ему в лицо

– Вроде, жив. Только голова раскалывается.

– Ничего, заживет. – Хоть Курдюк соображал еще туго, но женский голос от голоса Максюты отличил сразу: – А это еще кто? – он протер глаза, чтобы избавиться от тумана, и увидел подружку Кашеева. Мака стояла над ними, широко расставив ноги в высоких кожаных сапогах.

– Встаньте и поднимите этого борова. – Приказала она Максюте и Стеколкину.

– А ты чего тут делаешь? – Раздраженно поинтересовался полковник, когда его поставили на ноги.

– Пришла с вами поговорить, – ответила Мака и уселась в складное кресло.

Курдюк огляделся, но никого не увидел:

– А где эти?

– Недалеко, так что ведите себя спокойно, а то позову.

– Это твои? – Он машинально запустил руку в карман, но пистолета не обнаружил: – Да ты понимаешь, что творишь?

– Я все понимаю. Садись, и вы тоже.

Курдюк садится не стал:

– А где Паша Паперный?

– Вашего заводчика уже парят. В бане он. – Ответила Мака.

– Ну, девка, ты не права, – зло заметил полковник: – Этого я тебе так не оставлю.

– Помолчи, Ванька, Паперный нам здесь не нужен. Он бумагу у Кашея не подписывал, пусть пока отдохнет.

– Какую бумагу? – дрожащим голосом спросил Стеколкин. Это были его первые слова после встречи с «партизанами».

– Не делай из себя придурка, Славка. В этой бумаге вы признались, что замочили мэра, – пояснила Мака.

– Ах, вот в чем дело. – Сообразил Максютя: – Генка, оказывается, трепло. Не думал...

– Приедет из своих Америк, разберемся. – Мрачно пообещал Курдюк и, наконец, уселся.

– Не приедет, – возразила Мака.

– Как не приедет? – Стеколкин сообразил, что убивать его не собираются, и немного осмелел.

– Кашея больше нет. Все его дела завершу я. Слушайте и не перебивайте. В воскресенье выборы. Если Славку прокатят, а выберут опять Постного, вы его замочите.

Курдюк вскочил с кресла:

– Спятила!?

– Сядь и не дергайся. Вам и мне нужен цементный завод. Это большие бабки. Доли, как вы договорились с Кашеем, половина ваша, половина моя.

Полковник медленно опустился в кресло:

– Скажи, где Кашей?

– Он на небесах.

– Врешь.

– Ванька, будешь хамить, позову ребят, они тебя научат хорошим манерам. Мало получил?

Курдюк потрогал затылок и поморщился. На месте удара выросла большая шишка:

– Твои скоты еще и руки распускают.

– Нечего за пушки хвататься. Пули никто не хочет. – Резонно заметила девушка.

– Где Кашей? – Допытывался полковник.

– Какая разница? Нет его. – Упрямство милиционера начинало Маку злить: – Вы лучше подумайте, как выборы выиграть...

Курдюк кивнул на Стеколкина:

– Пусть старается. Это его проблемы.

– Не выберут меня. Постный место насидел, его народ знает.

– Помолчи, Славка. Не выберут, убирайте Постного.

– Ты чего-то не понимаешь, красавица. – Максютя налил себе в рюмку водки и залпом выпил.

– Что я не понимаю?

– Мы не киллеры, а руководители администрации. Мочить людей дело Кашея и его ребят. Взялась за мужские игры, сама и действуй.

– Хорошо, Постного замочу я, а вы сядете. Он еще будет дышать, а ваше признание ляжет на стол генерального прокурора в Москве. И завод достанется мне, как и все в городе, что приносит бабки.

Максюта дожевывал соленый огурец и оглядел Маку:

– Шустрая какая! Почему тебе?

– Для недоразвитых, могу популярно объяснить. Вы в тюрьме. Постного нет. Я за бабки сажаю своего мэра. А дальше как по маслу. У нас намечается капитализм и вся госсобственность пойдет с молотка. А у меня бабки и власть. Понял, Данилка?

Максюта покривился. Фамильярное «Данилка» его покорило:

– И откуда ты взялась такая шустрая?

– Я на улице росла, меня курица снесла. Слышал такую песенку?

Полковник потрогал еще раз свою шишку и заговорил уже совсем другим тоном:

– Подожди, такие дела требуют времени.

– Времени осталось в обрез. После выборов я с вами больше говорить не буду. Если Постный опять станет мэром, через три дня должны состояться его торжественные похороны. От вас зависит, понесете венки за гробом или покатыте на воронке в Москву. Пока, ребята. – Мака встала и медленно пошла в лес. Возле освещенной костром ели остановилась: – Ваши ружья, господа охотники, у егеря. Приятного пара в баньке. – И скрылась в чаще. Вместо нее в свете костра возник Никитка. Егеря едва держался на ногах:

– В меня эти парни влили бутылку водяры. – Сообщил он заплетающимся языком.

– Где Паперный? – Спросил Курдюк.

– Павел Михайлович уже парятся. Можете присоединяться.

Максюта посмотрел на охотничий домик. Его окошки уютно светились. Охотники поднялись и молча направились на их свет. Егеря дождался, когда троица удалится, и быстро принялся поджедать оставшиеся после них деликатесы.

В субботу, за день до выборов, Голенев сидел в квартире Постникова и вместе с Татьяной и сыном мэра Юликом смотрел выступление друга по местному телевидению. Вести агитацию в субботу не полагалось, но Постников и Стеколкин пришли к соглашению. В будние дни народ работает, и всех не охватишь. Других акций решили не проводить, поставив выступлениями двух кандидатов жирную точку в предвыборном марафоне.

Тихон говорил обстоятельно, и только Олег и Татьяна заметили, что он сильно волнуется. Тихон повторял свою присказку «так сказать» гораздо чаще, чем обычно и через каждые пять минут смачивал горло из стакана, что стоял на его столике.

– Главное, всем дать работу. – Продолжал речь Постников: – В первую очередь важно занять молодежь. Безработная молодежь, так сказать, прекрасная почва для уголовщины и наркомании. Молодые глуховчане должны работать и получать за свою работу достойное вознаграждение. Так же я считаю необходимым поддержать, так сказать, материально молодые семьи. Надеюсь, что мне удастся выкроить из бюджета средства на премию на каждого народившегося гражданина нашего, так сказать, города.

– Молодец Тихон, – одобрил друга Олег.

– Волнуется очень, – вздохнула Татьяна.

– Ничего, волнуется, а говорит по делу. И заметь, без бумажки.

– Тиша уверен, что обращаться к народу, читая с листа, неприлично. – Татьяна произнесла это не без гордости за мужа.

Дождавшись конца выступления, Юлик спросил:

– Как вы думаете, дядя Олег, папа победит?

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Голенев и похлопал мальчика по плечу.

– А если дядя Слава скажет лучше?

– Что может сказать этот бесцветный червяк? – Усмехнулся бывший афганец. И оказался прав. Следующим выступал Вячеслав Антонович Стеколкин. Речь кандидата состояла из фраз, набивших оскомину в газетах совковой России. Он обещал заботиться о гражданах города, соблюдать законность и бороться с злоупотреблениями. Общие ничего не значащие слова, лишённые конкретного смысла. Но и эти слова Стеколкин старательно вычитывал из тетрадки, что лежала перед ним. Олегу захотелось выключить телевизор, но Татьяна желала дослушать выступление соперника мужа до конца.

– Чего его слушать? – Усмехнулся Голенев. Я это слышал с детства.

– У жены мэра есть свои обязанности. – Возразила Таня: – Тихон спросит меня о выступлении Стеколкина, и я должна буду ему ответить.

– Тогда слушай, а я пошел. – Олег поднялся. Юлик поднялся за ним: – Вы куда?

– Хочу заехать к Вере с Павлом, взять ребят и смотаться с ними на стройку.

– Можно я с вами?

– Можно, но боюсь, в машине всем места не хватит.

– Ничего, мы сзади устроимся. Я Ирочку на колени посажу.

– Тебе нравится моя Ирочка? – Улыбнулся Олег. Юлик покраснел до ушей.

– Зачем смущаешь сына? – Строго спросила Татьяна.

– Не вижу повода для смущения. Если мальчику нравится девочка, это вполне нормально. – Ответил Олег и, взяв Юлика за руку, поспешил удалиться.

Олег обзавелся транспортом, воспользовавшись предложением тестя. Усадив Юлика в «Волгу-универсал», он покатил к кооператорам.

– Дядя Олег, а почему она так гремит? – Удивился мальчик.

– У нее в трубе дырка. – Объяснил водитель: – Ничего, глушитель заварим, греметь перестанет.

Павла дома не оказалась, а Вера пригласила Олега и Юлика к столу.

– Мы пообедали у Тихона. – Отказался Голенев: – Я хочу взять ребят, съездить с ними на Вороний холм. Два дня не был на стройке.

– Ура! – Закричал Саша Болтнев. За ним восторг выразили и остальные. В машине расселись все. Юлику не пришлось брать Ирочку на колени. Ребята оккупировали не только заднее сидение, но и багажник. Там лежал огромный брезентовый чехол от автомобиля, и дети разлеглись на нем. Юлика Олег посадил рядом с собой на переднем сиденье.

Перед тем как отправиться на Вороний Холм, приемный родитель всем купил мороженого, но есть в машине запретил:

– Напачкаете, что я потом деду с бабушкой скажу. Машина-то не моя.

Ребята облизывались, но терпели. Подкатив к воротам своего дома, Голенев выпустил детей и поинтересовался:

– Пойдете со мной в дом или займетесь мороженым?

Дети, естественно, предпочли мороженное, и побежали к речке его поесть, а Олег направился к дому. Первое, что он увидел, оказавшись внутри, был великолепный столовый гарнитур, украсивший его обеденный зал.

– Ашот, кто привез мебель? – Спросил он у бригадира строителей. Молодой армянин развел руками:

– Не в курсе, Олег Николаевич. Машина пришла, грузчики выгрузили и распаковали. Я их спросил, откуда. Они ничего не знают.

– Чудеса какие-то. – Пробормотал Голенев: – Надеюсь, тайна скоро раскроется. Как идет стройка? С материалами перебоев не наблюдается?

– Пока в график укладываемся. – Белозубо оскалился Ашот.

– Значит, проблем нет. Это приятно. – Голенев поднялся на второй этаж и огляделся. За два дня, что его тут не было, строители много успели. Все окна застеклены, розетки и выключатели поставлены, полы отциклеваны, а лестница на третий этаж покрыта лаком.

– Олег Николаевич, тут вас одна девушка спрашивала. – Вспомнил армянин.

– Да? Кто такая?

– Не назвалась. Симпатичная девушка, только очень худая. Ее откормить, красоткой бы стала.

– Такая голодная?

– Не думаю... На черном «мерседесе» прикатила. Такие не голодают...

– Что-нибудь передавала?

– Нет. Все осмотрела и ушла. Мне показалось, что столовая ей особенно понравилась...

– Почему тебе так показалось?

– Она долго плитку рассматривала, холодильник открывала. Потом уехала.

– Спасибо, Ашот. Кажется, я теперь догадываюсь, откуда появилась мебель.

Армянин снова оскалился:

– А вам гарнитур понравился? Нам очень.

– Да, мебель красивая... – Согласился Олег и насупился. Он понял, за письмо из Америки Мака с ним расплатилась. И хоть оставаться в долгу бывший афганец сам не любил с детства, радости от широкого жеста своей новой пассии не получил и решил сегодня же высказать ей свое неудовольствие.

В воскресенье утром Постников поехал в свой избирательный штаб. Еще в пятницу вечером он сложил с себя полномочия мэра вплоть до официальных результатов выборов. Штаб, по совету Голенева, Тихон организовал в детском доме. Возглавила его Руфина Абрамовна Межрицкая. Несмотря на свой преклонный возраст, директриса детдома проявила чудеса энергии, подключив к избирательной кампании своих старшеклассников. Ребята обходили квартиру за квартирой, дом за домом и страстно агитировали за Постникова как за своего бывшего дет-

домовца. Их искренние слова, лишённые какой-либо корысти, действовали на глуховцев куда больше самых завлекательных лозунгов. Потом, по итогам выборов, станет ясно, что жители улиц, на которых побывали юные агитаторы, отдали Постникову сто процентов своих избирательных голосов.

Но с субботы уже агитации не велось. Но старшеклассники продолжали работать на избирательных участках. Мыли полы, расставляли урны, сооружали вместе с взрослыми кабины для голосования.

Они первые и отметили, что люди соперника шельмуют.

– Товарищ начальник избирательного штаба! – Обратился к Руфине Абрамовне вихрастый восьмиклассник Толя Горшков.

– Что случилось, Толя? – Серьёзно поинтересовалась Межрицкая.

– Люди Стеколкина раздают населению водку и дрожжи. Это же настоящий подкуп избирателей.

– Молодец, Толя, что отметил. Но штабу нужна конкретная информация. Кто раздавал? Кому? Адреса, фамилии...

– Сделаем, товарищ начальник избирательного штаба. – По-военному отрапортовал Толя Горшков и тут же исчез.

Прибыв в воскресенье в свой штаб, Тихон Постников получил доказательные материалы о плутовстве в стане «врага». Он позвонил Стеколкину и по-дружески предупредил его о недопустимости подобных методов. Вячеслав Антонович побожился, что сам ничего подобного своим людям не наказывал и что это их дурацкая самодеятельность. После чего обещал лично впредь ничего предосудительного не допустить.

Тихон сопернику поверил, уселся у телевизора и сложил на груди руки. Все что мог, он уже сделал, теперь оставалось только ждать. В начале десятого в штаб приехал Голенев.

Хоть Тихон и пребывал мыслями на участках для голосования, тем не менее отметил, что Олег бледен и под его глазами пролегли голубоватые тени.

– Олечка, ты не заболел? – Спросил он друга.

– Почему ты решил?

– Выглядишь неважно.

– Чем неважно?

– У тебя такой вид, будто на тебе, так сказать, всю ночь воду возили. – Пояснил Постников. Голенев полез в карман за расческой и несколько раз нервно провел ей по вполне приглаженной челке. Воду на нем ночью не возили, но спал Олег мало. После посещения Вороньего холма, он развез ребят по домам и поехал к Маке, выговорить ей за дорогой подарок. Выговор затянулся и принял совсем иные формы. В шесть утра бывший афганец, пошатываясь, покинул ее коттедж и три часа поспал в машине. Следы бурной ночи и отметил на его лице друг детства.

– Не обращай внимания, Тиша. Все в порядке. – Буркнул он Тихону и поинтересовался, как началось голосование.

– С центрального отзвонили, народ пошел. – Ответил Тихон и, тут же забыв о бледности друга, стал рассказывать о кознях Стеколкина.

– Эта мразь на все способна. – Вовсе не удивился Олег: – Надо поставить надежных людей при подсчете голосов.

– У нас все люди надежные. – Наивно заявил Тихон.

– Блажен, кто верует, – усмехнулся Голенев: – Чем я могу помочь?

– Буду благодарен, если проедешь по избирательным участкам. Мне это, так сказать, делать неловко, а ты можешь.

– Хорошо, Тиша. Давай адреса. Ты сам-то уже проголосовал?

– Нет, что ты?!

– Почему?

– А ты не понимаешь?

– Нет.

– Голосовать за Стеколкина я не желаю, а отдавать свой голос за себя – это же непристойно!

– Чудак ты, и уши холодные, – усмехнулся Олег, взял из рук друга список адресов и, взъерошив Постникову волосы на макушке, удалился. На лестнице он столкнулся с Руфиной Абрамовной. Руки ее были заняты кипой бумаг, поэтому обнять старую директрису Голенев не решился.

– Здравствуй, мама Руфа. Работаешь?

– Работаю, Олежка. А ты почему уходишь?

– Постников просил прокатиться по избирательным пунктам.

– Таки прокатись, хуже не будет. И имей в виду, возле каждого дежурят мои старшеклассники. Можешь использовать их в качестве курьеров.

– Вижу, дело у тебя поставлено на широкую ногу.

– Привыкла, если за что-то берусь, таки стараюсь делать это хорошо. – Улыбнулась Межрицкая и, кивнув бывшему воспитаннику, бодро зашагала вверх по лестнице.

Олег уселся в машину, вычитал ближайший от детдома адрес и газанул с места. Ехать пришлось недолго. Избирательный участок находился на параллельной улице в здании местного футбольного клуба. Над дверью висел красочный плакат, а возле входа стояли несколько подростков и три милиционера. В подростках Олег без труда признал агентов мамы Руфы, но решил им не открываться и с видом гражданина, решившего честно исполнить свой гражданский долг, двинул к дверям. Перед ним шествовали две бабки в чистых белых платках и мужичок, нос которого издали выдавал пристрастие хозяина к зеленому змию. Бабулек милиционеры оглядели и пропустили, а мужичка задержали.

– За кого голосовать собрался, Матвейч? – Шепотом поинтересовался у избирателя приземистый капитан.

– За Постного, конечно. Про второго я ничего не знаю...

– Дурак ты. – Прошипел блюститель порядка: – Голосуй за Стеколкина. Не послушаешься, завтра же подловлю на пятнадцать суток.

– Раз начальник просит, о чем речь. – Быстро согласился сговорчивый избиратель.

– Капитан, будьте добры, ваши документы? – Громко попросил Голенев, наступая на милиционера.

Вместо капитана взял инициативу пожилой лейтенант:

– А ты откуда тут взялся? На моем участке таких нет.

– Я гражданин города и имею право знать, кто охраняет пункт для голосования.

– Сейчас мы тебе покажем гражданина. – Окрысился самый моложавый из троицы старшина и ухватил Олега за рукав.

– Руки! – Рывкнул Голенев и одним движением освободился от захвата.

– Соппротивление власти при исполнении, – зарычал приземистый, расстегнул кобуру и выхватил пистолет: – Ты арестован.

Голенев арест воспринял спокойно и обратился к мальчишкам:

– Ребята, бегите в штаб и скажите Руфине Абрамовне и Тихону Иннокентьевичу, что помощник кандидата Колленев арестован за попытку пресечь незаконную агитацию, проводимую у входа в агитпункт номер шесть сотрудниками ОВД.

Мальчишки тут же рванули с места. Участковый было припустил за ними, но сделал несколько шагов, отстал и безнадежно махнул рукой. Тем временем пистолет в руке капитана задрожал и медленно опустился:

– Простите, Олег Николаевич, не признали. Вы на такой непрезентабельной машинке прикатили, кто бы мог подумать?

– Накладочка вышла, – елеино подпел ему моложавый старшина.

– Вот что, товарищи власть. Как вы поняли, я представляю интересы кандидата Постникова. Вы проводите агитацию недозволёнными методами. Сейчас же свяжите меня с полковником Курдюком, я доложу ему о вашем поведении.

Лицо участкового скривилось в виноватой улыбочке:

– Не стоит ему звонить.

– Почему не стоит?

– Это конечно, между нами, сам полковник и просил порадеть за Стеколкина. Только вы и нас поймите, мы нигде этого официально не скажем. Нельзя же начальство подвести.

– Понял, не дурак, – усмехнулся бывший афганец: – Звонить не будем, но если не хотите лишиться погон, свяжитесь со своими коллегами на других участках и посоветуйте им этой хреновиной не заниматься. Я это вам тоже пока не официально рекомендую.

– Понял, и я не дурак. – Улыбнулся приземистый капитан и, спрятав пистолет в кобуру, козырнул Голеневу.

Прикинув, что здесь он уже все сделал, Олег решил внутрь не заходить и направился к машине. Но сесть в нее не успел. Откуда ни возьмись, перед ним возник отряд детдомовцев во главе с Руфиной Абрамовной:

– Что случилось, Олежек? – Оглядев милиционеров с головы до пят, поинтересовалась Межрицкая.

– Мама Руфа, мы уже разобрались. – Олег приоткрыл дверцу машины: – Садитесь, я вас подвезу обратно.

– Не трать время, тут проходным двором два шага, таки и сама дойду. – Отказалась пожилая женщина и, еще раз смерив стражей порядка уничтожительным взглядом, скрылась за едва заметной калиткой. Мальчишки заняли свой пост у дверей. Голенев уселся в машину и поехал в следующий избирательный участок.

К обеду основная масса избирателей проголосовала. Глуховцы показали себя сознательными гражданами. Восемьдесят пять процентов горожан пришли на избирательные участки. Олег по несколько раз объехал все точки. Везде несли вахту милиционеры. Но теперь его узнавали сразу и вежливо здоровались. По тому, как один усатый майор подмигнул ему на прощание, Голенев понял – приземистый капитан его просьбу выполнил. Милиционеры к избирателям не приставали, и откровенных нарушений Голенев больше нигде не засек.

У бывшего афганца время в разъездах летело быстро. Вовсе не так оно тянулось для Постникова. И хотя ему уже начали звонить с поздравлениями, кандидат с волнением ждал результатов подсчета голосов.

В обед пришла Татьяна. Постников просил ее в штаб не ходить, но Таня решила, что должна покормить мужа домашним обедом и явилась с судками.

– Зачем, Танечка, беспокоишься? В детском доме прекрасная столовая, – пытался отказать супруг, но она оставалась неумолима:

– Будешь ты мэром или нет, я твоя жена и обязана о тебе заботиться.

Возразить Постникову было нечего. Он автоматически отхлебал тарелку супа и откусал куриную котлетку с пюре. От киселя удалось отбиться.

В семь вечера участки для голосования закрылись. Голенев снова объехал все точки, наблюдая, как члены избирательных комиссий извлекают из урн бюллетени и начинают их подсчет. Детдомовцев, уставших за день, Руфина Абрамовна отозвала. Наблюдателями от штаба Постникова при подсчете работали ее учителя и технический персонал. Подчиненные мамы Руфы были дотошны, и Олег не сомневался – облапошить их никому не удастся.

В девять победа Постникова сомнений не вызывала.

К десяти вечера все голоса были подсчитаны. Девяносто четыре процента горожан проголосовали за действующего мэра. Голенев вернулся в штаб и поздравил друга.

– Спасибо, Олежка. Наша взяла. – Но лицо победителя от радости не светилось. Постников выглядел бледным и рассеянным.

– Ты не заболел, Тиша? – Участливо поинтересовался Олег, вовсе не забыв, что сегодня утром этот же вопрос задал ему сам Постников.

– Нет, а с чего ты взял?

– Выглядишь, так сказать, неважно. – Рассмеялся Голенев, схватил Тихона, поднял его и закружил по комнате: – Тиша, мы победили!!!

Пока Тихон отбивался, в классную комнату ворвались детдомовцы во главе со своей директрисой. Они еще активнее выразили свою радость от результата выборов, повиснув на руках и ногах победителя. Спас мэра телефонный звонок. Сам Стеколкин, первым из стана врага, поздравил конкурента с победой:

– Вы не просто победили, Тихон Иннокентьевич. Вы стали первым мэром в демократической России, которого выбрал сам народ.

Постников искренне поблагодарил Вячеслава Антоновича, а положив трубку, достал из кармана платок и вытер набежавшую слезу. Благодоство поверженного противника его растрогало.

– Выпьем за этого мудака. Он проиграл всухую. – Поднял рюмку Максюты.

В отличие от Постникова, который скромно дожидался результатов голосования в учительской детского дома, избирательный штаб Стеколкина соратники организовали в зале ресторана Глухарь. Пить начали с утра. Сперва за победу своего кандидата, потом, когда до полковника Курдюка дошла информация, что Голенев его людей расколол и прижал, тосты пошли другие. В победу никто уже не верил. Паперный предложил выпить за старое доброе время, когда народ уважал начальство и выборы походили на фарс для черни. Василий Федорович Липкин унесся еще дальше и поднял тост за Иосифа Виссарионовича Сталина. При нем и порядок был, и народ знал свое место. И чем тоскливее поступали донесения от «разведки», тем чаще присутствующие в зале ругали новую власть и вспоминали былое. К десяти вечера трезвых в «штабе» уже не осталось, и тост Максюты, обращенный к неудачливому кандидату, поддержали всего несколько человек, сумевших сохранить рассудок. К их числу относились директор банка Алексей Митрофанович Волоскин, начальник вновь организованной на базе ОБХС налоговой службы Валентин Степанович Фомин и прокурор города Макар Денисович Рябов. Сам Стеколкин кое– как держался. Страх перед необходимостью убить мэра сразу же после выборов вытеснял алкоголь из его крови.

– Так что, пьем или не пьем за нашего мудилу? – Максюта продолжал сидеть с поднятой рюмкой, мутноватым взором оглядывая компанию.

– Конечно, пьем. – Поддержал банкир Данилу Остаповича: – Славка парень наш в доску, а что проиграл всухую, все мы виноваты. – Усмехнулся Волоскин, лихо чокнулся со Стеколкиным и, по-гусарски подняв локоть, разделался с водкой.

Болельщики неудачливого кандидата отключались по очереди. Курдюк спал, свесив голову на пустую тарелку, Паперный пытался налить в фужер боржом, но поливал вместо этого скатерть, Липкин зевал так, что, казалось, его голова разорвется на две части, остальные тарасили глаза, с трудом удерживаясь на стульях. Максюта жестом подозвал Сидоркина. Официант тоже валился с ног от усталости, но улыбку на лице выдавил:

– Чего изволите, Данило Остапович?

Максюта усмехнулся:

– Изволь отбыть к матери Бени, а счет отнесешь хозяину и поблаговаришь за то, что он внес свой посильный вклад в дело демократии и прогресса.

– Не понял, Данило Остапович?

– Придурок, ты же вроде не пил... Скажешь директору, что угощение членам штаба кандидата Стеколкина произведено за счет ресторана. – Ухмыльнулся Максютя, и осторожно, чтобы не потерять равновесия, выбрался из-за стола.

Сохранившие способность двигаться члены избирательного штаба помогли подняться ослабевшим товарищам, и через полчаса ресторан опустел. Сидоркин после ухода гостей улыбку с лица снял и, грязно матерясь, высказал все, что думал о самом господине кандидате и его окружении.

Пока город выбирал мэра, Мака не теряла зря времени. Она объезжала кооператоров, для которых фирма Кашеева служила «крышей» и поднимала ставки.

Черный «мерседес» сопровождал микроавтобус «Фольксваген» с семьей уголовниками. Шесть братков из банды Косяка ехали на дело во главе со своим предводителем. Жора Косяк до службы в кооперативе Кашеева баловался наркотиками, чем кличку и заработал. Однажды, застав Жору в сортире кафе Какманду со шприцем в руках, Геннадий избил его до полусмерти и от наркотиков отучил. К чести прежнего дружка Маки стоит отметить, что сам он наркотики ненавидел и никогда на них не зарабатывал.

Кортеж свернул в переулок за рынком и припарковался к двухэтажному особнячку с вывеской «Зеркальная мастерская» Это была шестая точка в списке Маки. Пять адресов она уже проработала. Трех кооператоров удалось дожать мирным путем, где молодчики Косяка понадобились лишь в качестве декорации для устрашения. Двое других пытались уговорить Маку не повышать дань, и их жестко избили. Шестой адрес мог преподнести сюрпризы, поскольку заведовал мастерской тоже бывший уголовник.

Кооператив принадлежал татарину Тимуру Ахмедову, отсидевшему пять лет за разбой. Бывший бандит при ослаблении советского режима завязал с прошлым и решил жить трудом. Он объединился с двумя братьями, и еще четверых стекольщиков нанял. Те занимались примитивными заказами, вроде рамок с фотографиями или стеклянными дверцами для книжных полок. Братья Тимура, Надир и Решат, творили зеркала. Классным зеркальщиком был еще их отец, Халит Ахмедов. Сыновья унаследовали ремесло. Братья Ахмедовы не только умели обращаться с жидким серебром, но и точили любой глубины фацет. Это вовсе не такое простое дело, как кажется непосвященному. Чтобы снять с краев большого зеркала равномерный слой стекла под нужным углом, требуются огромные камни, напоминающие мельничные жернова. Камень медленно вращается и, мастер, под струями воды, постепенно подтачивает края зеркального листа. Работа требует долгой практики и умения чувствовать тончайшие нюансы в структуре хрупкого материала. Решат и Надир свое дело знали. Поэтому, единственные конкуренты Ахмедовых, Тузовы, что открылись почти в одно время с ними, соревнование с потомственными мастерами не выдержали. Им пришлось от зеркального дела отказаться и стеклить окна. Других конкурентов у Тимура в городе не осталось, и клиент пер валом.

Сам хозяин руками не работал. Он принимал заказы, обеспечивал братьев сырьем и руководил всем предприятием.

– Трофим, сиди в машине и не расслабляйся. – Распорядилась Мака, покидая Мерседес. Телохранителя она в дела не посвящала. Трофим понимал, что они не по гостям разъезжают, но догадываться одно, а видеть другое.

Мака с Косяком зашли в мастерскую с парадного хода. Тимур сидел за столиком и перебирал квитанции. Маку он сразу не узнал. Решил, что модная дева закажет зеркало но, заметив Жору, все понял и нахмурился.

– Чего приперлись? Я с Кашеем за этот месяц разобрался.

Мака посмотрела на кооператора своим немигающим взглядом и уселась в кресло для заказчиков:

– Гена теперь у нас американец, вместо него я. Так что, Тимур, придется полторы штуки добавить.

– С какого хрена? Мы, что, должны себе в убыток пахать?

– Не умеешь зарабатывать, отдай мастерскую мне, – нежно посоветовала Мака.

– Разбежалась?! Валите лучше оба отсюда.

– Я думала, ты парень умный, а ты дурак.

Тимур поднялся. Его огромные, украшенные татуировкой, кулаки сжались:

– Сама дура. Не будь ты бабой, выкинул бы в два счета.

Мака повернулась к Жоре:

– Не понимает слов мальчик.

Косяк вытащил пистолет и выстрелил Тимуру сначала в один башмак, затем в другой. Ахмедов страшно взвыл и повалился на кафельные плитки пола. Двое подручных Жоры моментально оказались в мастерской и, оседлав подстреленного кооператора, прижали его голову к полу.

Решат с Надиром точили на камне огромное зеркало и, услышав выстрелы, среагировали не сразу. Пока аккуратно положили стекло на сукно стола, пока ополоснули руки под струей из шланга, с черного хода ворвались остальные. Оба брата не отличались робостью, и силой их Аллах не обделил. Подвел элемент внезапности и численное превосходство бандитов. Решата оглушили прикладом «Макарова», Надир схватил обрезок стекла. Но воспользоваться им не успел. Его ударили сзади. Обоих повалили на пол и долго били ногами. Продолжая избивать, приволокли к раненому Тимуру, уложили рядом и учинили погром в мастерской. Под их ударами разлетались готовые зеркала, ящики со стеклами. Бандиты раскрыли сушильные шкафы и обрезком железной трубы уничтожили залитые серебряным составом заготовки.

Звон разбитого стекла заставил Маку поморщиться. Она встала над поверженными кооператорами и ждала тишины. Когда целых зеркал в мастерской не осталось, а все полы покрылись осколками, звон прекратился. Тимур стонал. Надир не подавал признаков жизни, и только Решат сохранял сознание. Мака нагнулась к нему, и все тем же ласковым тоном объяснила:

– Я попросила набавить всего полторы штуки, а твой брат мне нахамил. У тебя есть выбор. Или мы сейчас его прикончим, ну и вас за компанию, или гоните бабки.

Косяк для убедительности приставил к виску хозяина кооператива пистолет.

– Выручка в сейфе, ключ у него. – Решат взглядом указал на Тимура.

Мака не пошевелилась:

– Я не собираюсь лазить по вашим сейфам и считать вашу выручку. Вы должны каждый месяц отстегивать, что положено. А положено на полторы штуки больше.

– Ничего не получишь, сука. – Прохрипел Тимур.

– Кончайте их всех. – Улыбнулась Мака и направилась к двери. Наблюдать за казнью упрямых кооператоров ей было неприятно.

Наемные работники трудились на втором этаже, и бандиты их не заметили. Работяги, услышав выстрелы и звон битого стекла, заперлись в своем закутке и затихли. Потом грохнуло еще три выстрела. Один из стекольщиков вскрикнул. Напарник зажал ему рот ладонью.

– Молчи, Колька. Убьют...

Когда бандиты хлопнули парадным, испуганный работник подкрался к окну и, спрятавшись за занавеску, выглянул на улицу. От мастерской медленно отъезжал черный «мерседес» и микроавтобус.

– Кореш, я девку запомнил. Тощая такая. В «мерседес» села. Давайте позвоним в милицию. – Предложил он шепотом.

– Спятил? Знаешь поговорку: «Паны дерутся, у холопов чубы летят». Если спросят, молчим как рыбы. Понял?

Он понял. И когда милиция все же приехала, четверо крепких мужиков держались на своем – спрятались наверху, ничего не видели, ничего не слышали.

Ранним утром Голенев летел в Бирюзовск. Теперь, когда Постников победил на выборах, он мог вернуться к своим делам. Деньги, которые он пустил на строительство цементного завода, давал Бирюзовск. Летел туда Олег со смешанным чувством. С одной стороны, после путча еще не виделся со своими друзьями-афганцами, с другой, не знал, как посмотрит им в глаза. Несколько месяцев назад он привез в южный город молодую жену. Друзья приняли их союз очень душевно. Потом вместе с Олегом пережили гибель Тони, и его связи с Макой могли не понять. Врать Олег не умел, а говорить правду стеснялся.

Степа Хорьков и начальник летучего отряда Сережа Скворцов теперь работали с новым начальником Алексеем Михайловичем Нелединым, которому Голенев передал свое директорское кресло. Неледин с делами справлялся. К тому же в конце сентября их заметно поубавилось. Лето закончилось, а так называемый бархатный сезон собирал на курортах народа немного. На Черноморском побережье появлялась солидная, бездетная публика, которая воду из уличных автоматов не употребляла.

Олег сидел в кресле, откинув голову и прикрыв глаза. Спать ему не хотелось. Почему-то в голову лезли воспоминания. Не тех военных годов, которые он провел на Афганской войне. Последний год жизни «на гражданке» выдал ему столько событий, что и не каждый год войны мог преподнести. Даже не год, меньше. В Бирюзовск он приехал весной. Приехал зайцем, упрямив проводницу пустить его в вагон. Как же ее звали? Забыл. Стыдно переспать с женщиной и не запомнить ее имя. Голенев разозлился и напряг память. Образ крепкой молодки с внушительной грудью под белой, распахнутой кофточкой он извлек из глубин памяти быстро. Даже запах ее волос вспомнил. Они пахли леденцами. А имя не вспоминалось. «Черт, что же у меня с головкой?! – Подумал отставной капитан: – Неужели последствия ранений начали сказываться?» Но на память Олег обижался зря. После встречи с Тоней все женщины как-то растворились в его сознании. Тоня стала главной. А теперь ее нет, а есть Мака с немигающим взглядом кобры.

«Господи. Сашей ее звали!» – Наконец вспомнил. И вспомнил, что собирался отдать ей долг. А не отдал. Саша не только впустила его без копейки в свой вагон, но еще накормила и прилегла рядом. Выходя из вагона в Бирюзовске, он ей сказал – я твой должник. «Так мужики не поступают. Найду и постараюсь чем-нибудь отблагодарить», – решил Голенев, сразу успокоился и вспомнил, как он умер. Со стороны это выглядело, наверное, комично. Его спустили в больничный морг, он встал и попросил санитаров закурить. Он до сих пор помнил их лица. Так и убежал из морга без документов. Уже в Бирюзовске, с помощью Вихрова, получил новые. С тех пор в паспорте значится не Голенев, а Коленев. Он после госпиталя и ехал в Бирюзовск к другу. Дима Вихров воевал с ним под Кондагаром. Димы теперь тоже нет. Нет и его милой жены Оксаны. Они пустили Олега в детскую своей квартиры. Оксана еще ждала ребенка и детская пустовала. Она так и не родила. Голенев знал, что причина их гибели связана с его приездом. Он подбил лднополчанина открыть кооператив и поить из автоматов отдыхающих газированной водой. Бандит по кличке Турок решил к ним примазаться. Дима отказался. Шестерки бандита убили Диму с Оксаной и сожгли их жилье. Олег в это время уехал по делам в Ригу. Узнал, когда вернулся. Он отомстил Турку и его людям. Турка теперь тоже нет, а его шикарный особняк на Черной речке сгорел. Голеневу помог Степа Хорьков. Степан, как и он, с Афгана. Хорьков потом и познакомил Олега с Сережей Скворцовым и другими бывшими

афганцами с побережья. Олег поднял кооператив. К середине лета он из нищего дембеля превратился в миллионера. На деньги Голенева Тихон Постников начал строительство цементного завода. Это была мечта Тиши. Олег пообещал помочь другу ее осуществить и слово свое сдержал. Завод скоро запустят. Осуществил Голенев и свою мечту. Взял из детского дома пятерых сирот – афганцев. Он в середине лета приехал в Глухов посмотреть начало строительства завода и познакомился с Тоней. Все случилось очень быстро. В их романе не было и грамма фальши. Они пошли друг другу на встречу с радостью. Олег сразу женился. Тогда в их жизнь и вошел Кашеев. Глуховский бандит сыграл в дружбу. Эта дружба дорого обошлась Олегу. Тоню зарезал человек Кашеева. Голенев достал и его, и самого Кашеева. Достал в Москве, и едва не погиб сам. Тут ему помогли не только его афганцы из Бирюзовска, но и Мака. Она тяготилась связью с Кашеевым. Олег привез Маке труп ее бывшего друга. Куда она его подевала, Голенев не знал и ни разу не спросил. Потом он встретил Маку у Белого дома... и пришел в церковь. Нет, он не полюбил Маку, как Тоню. Он ее вообще не полюбил. Мака Олега заинтересовала и обольстила. Она умела доставить мужчине наслаждение. Такой любовницы у Олега еще не было. Но его притягивал к девушке не только секс. Что-то в ней приманивало. Возможно, сочетание дьявольского разврата и какой-то детской незащитности покоряло мужские сердца. Но главное, бывший афганец поверил, что подружка убитого им бандита хочет изменить свою жизнь и стать полезной людям. Голенев помнил каждое слово ее исповеди, произнесенное в церкви. Человек, вынесший столько горя в детстве и пожелавший завязать с прошлым, заслуживает снисхождения и помощи.

– Наш самолет через пятнадцать минут совершит посадку в аэропорту города Адлера. Температура воздуха за бортом двадцать три градуса. Просьба ко всем пассажирам занять свои места и пристегнуть ремни безопасности. – Голос стюардессы прервал воспоминания. Олег послушно защелкнул ремни на своем животе и посмотрел в кружок окна. Самолет разворачивался над морем.

Голенев даже ощутил йодистый соленый запах волн. Он только сейчас понял, как ему не хватало моря в Глухове. Море это море. Если ты подружился с ним, пожил рядом, оно тебя уже не отпустит. Завораживающая живая бесконечность имеет удивительное свойство проникать в человеческую душу. И этого так же нельзя объяснить словами, как их отношения с Макой.

Обычно Вячеслав Антонович работал до шести. Но сегодня выдерживать служебный график необходимости не возникло. День после выборов прошел не в трудах праведных, а вылился в бестолковую праздничную канитель. Утром все чиновники, со Стеколкиным во главе, явились в мэрию поздравлять победителя. Тихон прибыл на работу как всегда в девять. Он был брит; костюм, отглаженный накануне ночью Татьяной, сидел безупречно, и только сероватый оттенок лица и мешки под глазами говорили о том напряжении, которое он перенес в последние дни.

– Что там в «зеркальной мастерской» случилось? – Спросил Постников у Курдюка: – В такой день – и опять трупы.

– Бандиты между собой разбираются. Что тут поделаешь. – Развел руками полковник.

– Убили кооператоров, а не бандитов.

– Ахмедов отсидел за разбой пять лет. Думаю, и братья не лыком шиты. Яблоко от яблоньки...

– Все равно разберитесь. – Потребовал мэр.

– Разберемся, Тихон Иннокентьевич, не сомневайтесь. – Уверенно пообещал начальник милиции.

Чиновники условились, что после официального вступления в должность мэра устроят совместный пикник, о деталях которого еще успеют договориться. Церемония возвращения в мэрию победителя произойдет только через десять дней. Постников, естественно продолжает

работать, но пока в звании исполняющего обязанности. Пожимая удачливому сопернику руку, Стеколкин заметил на столе телеграмму от президента России Бориса Ельцина.

Покинув мэрию, чиновники в узком кругу собрались на квартире Максюты. Присутствовал полковник милиции Курдюк, хозяин квартиры и Вячеслав Стеколкин. Друзья провели небольшое совещание. Они опасались, что Мака начнет действовать, не поставив их в известность. Максюта и Курдюк поручили Стеколкину якобы случайный контакт с любовницей бандита, и ему ничего не оставалось, как согласиться.

К кашеевскому кооперативу Стеколкин отправился на такси. Выйдя из машины, поправил узел галстука, причесался, и с чувством ныряльщика, готового совершить прыжок в бездну, зашагал к воротам. Путь преградил охранник:

– Мужик, ты к кому?

– Я бы хотел перекусить в вашем кафе. – Пробормотал посетитель. Обедать Стеколкину не очень хотелось, но лучшего предлога он выдумать не смог. Охранник довел его до кафе «Какманду» и сдал Светлане. Девушка исполняла здесь множество обязанностей: она заведовала баром, служила официанткой и заодно тайной осведомительницей Маки.

– Пить будешь? – Бесцеремонно оглядев клиента, поинтересовалась она.

Стеколкин ни пить, ни есть не хотел. Он дрожал от страха и всячески старался это скрыть.

– Принеси мне сто граммов коньяку и приличного сыра.

– Ты сказал охраннику, что пришел обедать. У нас кафе, а не вокзальный буфет.

– Хорошо. Принеси что-нибудь на свой вкус. – Вяло согласился Вячеслав Антонович.

Светлана принесла сбледнувшему с лица клиенту залежавшийся антрекот и давно не хрустящие соленые огурцы. Темный напиток в графинчике напоминал коньяк только ценой. Но Стеколкин возмущаться не стал. Он выпил рюмку, покривился и принялся пилить тупым ножом жилистый кусок мяса. За соседними столиками молодчики с бритыми затылками и сильно размалеванные девицы лакомились сочной телятиной и свежайшими овощами. Светлана свое дело знала и клиента видела насквозь. Но сегодня ошиблась. Незнакомый посетитель, несмотря на свой бледный вид, мог купить если и не весь кашеевский кооператив, то уж кафе «Какманду» со всеми его припасами и Светланой в придачу. Место чиновник имел лакомое и зря штаны не протирал.

Неожиданно один из сидящих за соседним столиком братков, долго и внимательно изучавший одинокого гостя, узнал претендента на должность мэра. Портреты Вячеслава Антоновича неделю висели в самых людных местах города.

– Братва, знаете, кто этот мужик?! – Громко заявил бритоголовый молодчик своим собутыльникам.

Компания тут же заинтересовалась соседом:

– Нет. А кто этот фраер?

– Этот мужик вместе с Постным в мэры мылился. Он сюда с тоски приплыл. Его же прокатили. – Объяснил бритоголовый и направился к Стеколкину: – Эй ты, мужик, подсаживайся к нам, а то хаваешь какой-то силос и лакаешь отраву...

– Почему отраву? – Выпрыгнула из бара Светлана. Она почувствовала, что где-то промахнулась, и пыталась понять где. Но инициативу упустила. Трое крепких братков подскочили к Стеколкину. Тот не успел рта раскрыть, как уже оказался в теплой компании уголовников. Бритого звали Митяшей, его друзей Вовиком и Саней. Две девицы, что с любопытством разглядывали чиновника, представиться не решились. Стеколкину налили полный стакан «Абсолюта», придвинули тарелку с телятиной и вручили вилку. Ему пришлось выпить и закусить. Водка чиновнику не очень далась, но телятина таяла во рту и вовсе не напоминала ту подошву, что осталась недорезанной за его столом.

Беседа молодых людей, где между матерными конструкциями иногда возникало понятное русское слово, Вячеслава Антоновича не увлекла. Он глупо улыбался, кивал головой и что-

то отвечал невпопад, но еду сразу оценил по достоинству. Светлана вернулась за стойку бара и с интересом наблюдала за их столиком. Потом исчезла.

Через полчаса в кафе появилась Мака. Светлана указала ей на Стеколкина. Мака подошла к компании. Уголовники сразу притихли.

– Мальчики, вы уже тепленькие, расплатитесь и быстренько делайте ноги. – Обратилась она к новым друзьям чиновника.

Те не спорили. Визг подняли дивы.

Мака вывернулась куда-то назад и громко скомандовала:

– Кошелок быстро отсюда.

Двое крепких парней с резиновыми дубинками вынырнули из темноты и нависли над гостями.

– Не надо, мы сами разберемся. – Примирительно сообщил бритоголовый Митяша. Друзья прихватили своих девиц под руки и потащили из зала. Хлопнула дверь, женский визг затих, в наступившей тишине стало слышно, как на кухне звенят посудой. Мака уселась напротив Стеколкина и вонзила в него свой немигающий змеиный взгляд:

– Зачем приперся?

– Поужинать.

Мака скривила губы:

– Есть такая птичка Непизди. Слышал?

На Стеколкина что-то нашло. То ли от мужского начала перед этой странной девицей, то ли от напряжения возложенной задачи, но его вдруг прорвало:

– Тебе надо знать про эту птичку.

– При чем тут я?

– Почему мы должны тебе верить, что Кашея нет?

Мака усмехнулась:

– Не здесь.

– А где?

– Пойдем.

Стеколкин побледнел:

– Куда?

– Не далеко. Обделаться не успеешь. – Успокоила Мака.

Стеколкин поднялся и понял, что его ноги дрожат.

– Трофим, помоги мужику, и заодно проверь на предмет пушки или перышка. Вдруг фанатик? – Мака повернулась и, постукивая высокими каблучками, зашагала к выходу.

Трофим неслышно возник за спиной Стеколкина, прощупал его карманы, поставил на ноги и повел за ней.

Они вошли в ее коттедж. Хозяйка проследовала в спальню.

– Посади его в кресло, и свободен.

Трофим выполнил ее просьбу. Молча усадил побледневшего чиновника в кресло, так же молча удалился. Мака скинула туфли, сбросила куртку и улеглась на кровать:

– Я знаю, зачем ты приперся.

– Выяснить, что с Кашеем.

– Врешь. Хочешь удостовериться, есть ли у меня ваша бумага?

– И это тоже...

Мака начала хохотать, и хохотала долго. Ей понадобилось время, чтобы обдумать следующий ход. Внезапно замолчала, взяла с тумбочки пачку «Мальборо», закурила и поднялась. Стеколкин настороженно следил за каждым ее движением. Девушка босиком направилась к сейфу, присев на корточки, отомкнула стальную дверцу и достала конверт. Вячеслав Анатольевич непроизвольно приподнялся.

– Сидеть! – Приказала Мака и позвала Трофима.

– Есть проблемы? – Спросил телохранитель.

– Подержи гостя. Сейчас я ему покажу один документ, не хочу, чтобы он его схватил своими лапами.

Трофим моментально приподнял Стеколкина и вывернул ему руки назад.

– Больно! – Взвизгнул чиновник.

– Потерпишь. – Ответила Мака и поднесла развернутый листок к его носу. Вячеслав Анатольевич тут же узнал документ. В левом углу стоял герб России, ниже текст, а под текстом их подписи.

– Отпусти, вижу.

Но Трофим держал его руки до тех пор, пока хозяйка не убрала бумагу в сейф и не заперла стальную дверцу.

Знаком удалив телохранителя, она вернулась на постель и нарочито нежно обратилась к Стеколкину:

– Так, что, Славочка, надеяться вам не на что. Придется убирать Постного.

– Сначала мы хотим удостовериться, что Кашеев действительно мертв.

– Какие вас устроят доказательства? Его голова? Ухо?

– Его перстень с черным бриллиантом.

– Перстень тянет не меньше десяти штук зеленых...

– Хорошо, мы его у тебя купим.

– Сто штук зеленых.

– Ты же только что сказала десять.

– Десять перстень. Девяносто за мое хорошее к вам отношение. Не забыл про бумажку с тремя подписями? Она того стоит.

– У нас нет столько денег.

– Я согласна на бережок.

– Какой бережок?

– Двенадцать участков от Щеглов до Глухова, что ты зацепил под дачки для себя и вашей своры.

– Откуда ты знаешь?

– От Кашеева.

– Он погиб в Америке?

Мака снова расхохоталась:

– Он никуда не уезжал.

Чиновник побледнел и почувствовал, как его левая штанина становится влажной и теплой.

Мака брезгливо поморщилась:

– Все-таки обделался?

Губы гостя задрожали:

– Он здесь?

– Не трясись, в доме его нет. – И она снова окликнула телохранителя: – Трофим, выведи мужика, усади в такси и заплати шоферу. Вернешься, примешь душ.

Вячеслав Антонович ехал домой, и в его виске бились вместе с пульсом одно слово «ОБО-ШЛОСЬ!» Он не помнил, как вышел из машины, как поднялся на второй этаж, как вошел в дверь. Три болонки залившимся лаем встретили хозяина. Мадам Стеколкина, флегматичная крупная дама, безразлично оглядела мужа:

– Опять пьяный?

– Почти трезвый, только описался. Дай мне переодеться и оставь в покое.

– Скотина. – Беззлобно бросила женщина и уплыла за пижамой. Вячеслав Антонович задержался в прихожей, поднял собачек на руки, поцеловал их мокрые холодные носы, тихо сообщил зверюшкам:

– Мои дорогие собачки, ваш хозяин пока жив, а вот жив ли другой дядя, или его усыпили, еще предстоит выяснить. – И засеменил в ванную.

Они лежали на своем супружеском ложе, и обоим не верилось, что все позади. Таня смотрела в потолок и чему-то улыбалась. Внезапно улыбаться перестала и повела носом:

– Курил сегодня?

– Нет, что ты.

– Врешь. От тебя пахнет.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Потому что ты обещал.

– Сама знаешь, что пришлось пережить...

Они снова долго лежали молча.

– Ты счастлив? – Татьяна погладила мужа по волосам и погасила свет.

– Не знаю, Танечка. Почему-то пусто внутри. И особой радости, так сказать, нет. – Ответил Постников, взял руку жены в свои руки и поцеловал: – Спасибо тебе за все.

– Ты сам все сделал.

– Нет. Без тебя, мамы Руфы и Олега я бы не выдержал.

– Друзья у тебя настоящие. А радости нет, потому что устал. Слишком много нервов потратил. Спи.

– Не могу. Еще не отошел.

– Тогда давай поговорим. Что тебя беспокоит?

– Обидно, что работа стоит. Неделя потрачена, так сказать, впустую....

– Не кокетничай, Тихон. Эта неделя показала, что люди одобряют твою деятельность и доверяют тебе. А это дорогого стоит. Я горжусь тобой.

– Танюш, я хочу с тобой посоветоваться.

– О чем, милый?

– Я тебе рассказывал про девушку, которая остановила в Москве танк?

– Да, рассказывал. Твоя героиня – подружка самого страшного человека в нашем городе.

– Это так. Но она же совершила подвиг.

– И что теперь?

– Я думал как-нибудь отметить ее мужество.

– Отметь. Теперь ты законно избранный мэр. Кто может тебе помешать?

– Я не знаю как? Выдать ей денежную премию, так сказать, смешно. Вряд ли она нуждается в деньгах.

– Выдай лучше мне премию. Я куплю тебе пару новых рубашек. Пока ты представлял, свои две белые сорочки превратил в ветошь. Мне их уже не отстирать...

– Танюш, я же серьезно.

– Я тоже.

– Давай о нас потом. Посоветуй, как мне ее отметить.

– Попроси Прудкина, пусть выдаст статью о твоей героине. А что еще можно? Хочешь, напиши в Кремль, представь ее к награде или сделай почетным гражданином города.

– Это идея! У нас пока подобной формы поощрения нет, но можно начать с Маки.

– Ее зовут Мака?

– Да.

– Странное имя. Скорее подходит обезьяне.

– Станных имен много. Важно не само имя, а человек, который, так сказать, его носит.

– Не умничай Тиша. Я и так знаю, что ты умный.
– Прости, больше не буду.
– Вот и молодец...
– Да, пусть Мака станет почетной гражданкой Глухова.
– Ты доволен?
– Доволен. Я бы сам не додумался. В торжественных институтах твой муж слабак. – Тихон обнял жену и поцеловал в губы.

Татьяна нежно, но решительно отстранилась:

– Не надо сегодня, Тиша. Ты устал, да и думаешь о другом. – Она хотела сказать «о другой», но вовремя себя поправила: – Ты не обиделся?

Вместо ответа услышала ровное дыхание мужа. Постников умел засыпать мгновенно.

Под шелест волн на горящих углях дозревала баранина. Степан Хорьков внимательно следил, чтобы от капель жира не поднималось пламя, и тут же гасил его водой из пластиковой бутылки. Сергей кривым афганским ножом кромсал томаты в салат. Природа встречу друзей не омрачала. На небе ни облачка. Ветерок едва шелестел в листьях акаций. Мягкое осеннее солнце повернуло на закат, и ярким пламенем отражалось в окне дачного домика. Дачка стояла на скале, внизу плескалась море. Это был тот самый рыбацкий домик с банькой, где Голенев с друзьями-афганцами допрашивал бандита Чирика. Они вспомнили, как поджарили бандиту задницу в бане и как тот раскололся.

Здесь было все также, только листья винограда уже покраснели. Спелые кисти свисали внутрь беседки. Олег оторвал губами одну ягоду. Она имела сладкий, немного хмельной вкус.

– Сережка, почему виноград не собираешь? Он уже перезрел.

– Куда его девать. Пусть висит. С ним как-то красивее... – Улыбнулся Скворцов и принялся стругать лук.

– Я был на суде. Твоему Чирiku дали пожизненный. – Продолжил Хорьков прерванный разговор. Выглядел Степан как всегда мрачным, смотрел исподлобья: – Я бы на твоём месте его тогда порешил. Он зарезал Тоню.

– Наверное, я тоже. – Не прекращая орудовать ножом, высказался Сергей.

– Чирик всего шестерка Кашеева, – возразил Олег: – А Гену мы в Москве достали.

– Да, операция прошла на грани фолла. Ты просто в рубашке родился. Помнишь? – Улыбнулся Скворцов.

Олег помнил. Он тогда узнал у Маки адрес, где скрывается ее дружок. Голенев не предполагал, что Кашеев в квартире не один. Бывший афганец сам попал в ловушку. Его оглушили, усадили за стол, финками пригвоздили ладони к столешнице. Кашеев начал его допрашивать. Он хотел знать, кто выболтал Олегу московский адрес. Голенев, естественно, Маку выдавать не собирался, и его бы убили. Хорошо, что друзья подстраховались, заняв квартиру над логовом Кашеева. Афганцы через балкон ворвались к бандитам и перестреляли их. Труп Кашеева Олег привез в Глухов и подложил в коттедж Маки.

Такое быстро не забывается. Сейчас Голенев вспомнил каждую деталь:

– Мужики, вы мне тогда точно жизнь спасли...

– Давай не будем крутить старую пленку. Что было, то прошло. Вот дорежу салат и выпьем по стаканчику за то, что впереди. – Предложил Сережа.

Олег достал расческу и провел ей по волосам:

– Не хотел вам колоться, но и промолчать не могу. У меня с девчонкой Кашеева что-то вроде романа.

– Ты и она? – Сергей положил нож на стол и с удивлением посмотрел на Голенева. Степан Хорьков высказываться не стал, только хмыкнул и скривил губу.

– Сначала выслушайте, а уж потом казните. – Олег рассказал друзьям все. Начиная с Белого дома, где Мака остановила танк, до столового гарнитура, что она ему подарила. И лишь церковную исповедь девушки сохранил втайне. Его не перебивали. Олег закончил и ждал реакции друзей. Они молчали. Шашлык залил угли жиром, пламя никто не гасил. Олег сам взял бутылку и сбил огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.